

Иллюстрированный
ЖУРНАЛ
ЛИТЕРАТУРЫ

XIV годъ
№ 4

годъ XIV
1883

ВЫХОДИТ ЕЖЕНЕДЪЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и
ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работы отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этого № „Нивы“ 15 к., съ перес. 20 к.
Выданъ 22 Января 1883 г.

Открыта подписка на „Ниву“ 1883 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ „НИВЫ“:

Безъ доставки въ
Петербургъ ... 4 р.

Съ доставкою въ
Петербургъ ... 5 р. 50 к.

За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 8 руб.

Безъ доставки въ Москву черезъ
отдѣл. конт. „Нивы“ Н. Н. Печ-
ковской, Петровск. Торг. линія 5 р.
Съ пересылкою въ Москву и дру-
гіе города Россіи 6 р.

ПРИЛОЖЕНИЯ.
Особая приложенія при
„Нивѣ“ объявленій
отъ торговыхъ домовъ
принимаются для иногор.
по 5 р. съ тысячи, для
городскихъ по 4 р.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1883 г. №№ со всѣми приложеніями.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМОЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, НА Б. МОРСКОЙ, въ д. № 9

Столѣтній юбилей Митрополита Филарета.

9 Января чтилась торжественно память великаго святителя нашей церкви Митрополита Филарета, по поводу исполнившейся столѣтней годовщины со дня его рождения. Съ благословеніемъ Св. Синода, совершенено во всѣхъ соборахъ кремлевскихъ и во всѣхъ храмахъ московскихъ, при громадномъ стечениі народу, торжественное поминовеніе Святителя, незабвенного для православной церкви и для нашего отечества. Общество Духовнаго Проповѣщенія собралось въ Мурованой Палатѣ для чествованія его памяти, и торжество это отозвалось повсюду въ Россіи и за ея предѣлами.

Кто не знаетъ имени Филарета Московскаго? Въ долгій періодъ его святительства на Московской кафедрѣ, тысячи народа ходили въ Москву получать благословеніе читимаго іерарха. Поученія Филарета читались во всѣхъ концахъ Россіи. Живя безвыездно въ Москвѣ съ 30-хъ годовъ столѣтія напѣ іерархъ не переставалъ быть въ самомъ близкомъ духовномъ об-

щеніи какъ съ горячо любимою имъ Россіею, такъ и со всѣмъ образованнѣмъ міромъ. По уму, свѣдѣніямъ, познанію языковъ и глубинѣ воззрѣній, Филаретъ не имѣлъ себѣ сверстниковъ во все долгое время его святительства. За океаномъ, въ Америкѣ даже, онъ чтился какъ великій авторитетъ въ наукѣ богословія. При этомъ онъ ни однімъ словомъ не переставалъ быть на высотѣ святительского призванія и не переставалъ вести скромную и суровую жизнь инока.

Митрополитъ Московский, знаменитый Филаретъ, по фамиліи Дроздовъ, родился въ Коломенѣ, въ январѣ 1783 г. Первоначальное воспитаніе получилъ онъ въ Коломенской семинаріи, за тѣмъ, перейдя въ Лаврскую Троице-Сергіевскую семинарію, по окончаніи курса, сдѣлался учителемъ. Инокъ-преподаватель при трудахъ и занятіяхъ подвизался въ посты и молитвѣ, сталъ извѣстенъ уже своею строгою жизнью и въ 1809 году былъ вызванъ въ Петербургъ и 1-го марта его назначили инспекторомъ Петербургской семинаріи, въ званіи академического бакалавра и профессора

Митрополитъ Филаретъ. Съ фотограф. рис. Шпакъ, грав. И. Матюшинъ.

философскихъ наукъ. На Пасху того же года онъ уже посвященъ въ санъ іеромонаха. Въ 1812 г. онъ опредѣленъ ректоромъ Духовной Академіи и настоятелемъ Юрьева монастыря, затѣмъ, въ 1816 году, Московскаго Новоспасскаго монастыря. Послѣ епископства Ревельскаго, въ 1819 году Филаретъ былъ переведенъ въ Тверь архиепископомъ и наименованъ членомъ Св. Синода. Черезъ полтора года—въ Ярославль, а на слѣдующий годъ въ Москву.

Сорока четырехъ лѣтъ всего, бодрый духомъ и тѣломъ, свѣтлый умомъ и сердцемъ, знаменитый архиепископъ московскій былъ нареченъ Митрополитомъ. Роковой день 19 Ноября 1867 года отлучилъ его отъ жизни. Вся жизнь нашего славнаго іерарха была неисчерпаемымъ источникомъ мысли здравой, мудрой, свѣтлой и всегда поучительной. Жизнь эта ждетъ еще своего достойнаго исторіографа. Пока передъ нами драгоценныя книги, гдѣ собраны его слова и поученія. Они исполнены самой высокой мудрости и часто касаются разнообразнѣйшихъ вопросовъ народной, общественной и государственной жизни. Столѣтняя годовщина Митрополита, копечно, побудить сбратъ и обнародовать все, что онъ оставилъ намъ въ наслѣдіе. Кроме творений его, изданныхъ имъ при жизни, кромѣ проповѣдей его, извѣстныхъ всей Россіи и не въ одной Россіи, сохранилось множество писемъ его къ разнымъ лицамъ, восстановляющіхъ правственный, величавый образъ нашего іерарха. Здѣсь мы приведемъ отрывокъ изъ его поученія, касающейся семьи и литературнаго изображенія жизненныхъ событий.

„Когда темнѣеть свѣтъ на дворѣ, усиливаютъ свѣтъ въ домѣ. Береги Россія и возжигай сильнѣе свой домашній очагъ, ибо „шаташася языцы и люди почишаются тщетнымъ.“

„Семейство древнѣе государства. Человѣкъ, супругъ, супруга, отецъ, сынъ, мать, дочь и свойственныя этимъ наименованіямъ обязанности и добродѣтели существовали прежде, чѣмъ семейство разрослось въ народѣ и образовалось государство. Посему жизнь семейная, въ отношеніи къ жизни государственной, есть, иѣкоторымъ образомъ, корень дерева. Чтобы дерево зелено, цвѣло и приносило плодъ, надо чтобы корень былъ крѣпокъ и приносилъ дереву чистый сокъ. Такъ чтобы жизнь государственная сильно и правильно развивалась, проявляла образованностью, приносила плодъ общественнаго благодѣствія,—для сего надобно, чтобы жизнь семейная

была крѣпка благословленію любовью супружескою, священною властью родительскою, дѣтскою почтительностью и послушаніемъ и чтобы, вслѣдствіе того, изъ чистыхъ стихій жизни семейной, естественно возникали столь же чистыя начала жизни государственной, чтобы, съ почтеніемъ къ родителю, родилось и росло благоговѣніе къ царю, чтобы любовь дитяти къ матери была приготовленіемъ любви къ отечеству, чтобы послушаніе домашнее приготовляло и руководило къ самоотверженію и священной власти самодержца.

„Въ нынѣшнія времена о предметахъ, правилахъ и способахъ воспитанія такъ много разсуждаютъ, пишутъ, спорятъ, что едва ли не уменьшаетъ довѣрія къ воспитателямъ отъ воспитываемыхъ, которые слышать ихъ препирающимися между собою и видѣть недавно одобренное осужденіемъ. Можетъ быть это и неизбѣжно, по причинѣ умножившихся и оразнообразившихся требованій жизни общественной и частной, которымъ воспитаніе должно удовлетворять. Но въ наше время и близъ насть не умножаются ли уста, глаголющія суету въ забвѣніи Бога и Его заповѣдей? Не глаголютъ ли они часто излишнее въ бесѣдахъ, въ зѣвищахъ, въ книгахъ?..“

„Говорить: „надобно черное называть чернымъ“ и подъ этимъ предлогомъ предаются злорѣчію.

„Злорѣчіе, которымъ некоторые думаютъ исправлять зло—невѣрное врачевство. Зло не исправляется зломъ, а добромъ. Какъ загрязненную одежду нельзя чисто вымыть грязною водой, такъ описаніями порока, столь же нечистыми и смрадными какъ онъ самъ, нельзя очистить людей отъ порока. Умноженіе передъ глазами народа изображеній порока и преступленія, уменьшаетъ ужасъ преступленія и отвращенія отъ порока, и порочный при видѣ такихъ изображеній говорить: „не я одинъ, такихъ много“. Укажите на темный образъ порока не терзая чувства и не оскорбляя вкуса чрезмѣрнымъ обнаружениемъ его инсюстей; съ другой стороны, изобразите добродѣтель въ ея неподдельной истинѣ, въ ея чистомъ свѣтѣ, въ ея непоколебимой твердости, въ ея чудной красотѣ...“ *)

Замѣчательные слова, исполненные глубокаго смысла и значенія! Тѣмъ замѣчательнѣе, что они говорились много лѣтъ назадъ и такъ вѣрно примѣнительны къ настоящему!

Въ „Нивѣ“ 1871 года была обширная біографія митрополита Филарета и мы не будемъ здѣсь вдаваться въ сообщенія уже тамъ подробности.

Лодъ Колесомъ.

ПОВѢСТЬ

Н. Д. Ахшарумова.

I.

Іюня... 186* года.

Пишу это за границею, въ В*, куда я попалъ случайно... Скучно теперь вспоминать несчастный процессъ, въ итогѣ которого родовая моя Невановка продана была съ молотка, и всѣ мытарства, вынесенные при этомъ. Безденежье заставило меня бросить службу въ полку. Съ годомъ послѣ этого я хворалъ. Доктора находили разстройство печени и въ началѣ лѣта отправили меня въ Карлсбадъ; но они ли ошиблись, или лечение не могло сдѣлать пользы при подавляющей мысли, что я проживаю послѣднія средства, не знаю,—только я тамъ чуть не умеръ съ тоски. Вернуться домой, однако, проѣздивъ двѣсти рублей совершенно даромъ, казалось обидно. И думалъ: ужъ если разъ сдѣлалъ глупость, заѣхалъ такъ далеко, то ужъ по крайней мѣрѣ кутнуть тутъ въ свое удовольствіе, сдѣлать хороший туръ по Швейцаріи, побывать въ Римѣ, въ Неаполѣ... Но какъ только я начиналъ настроивать себя на этотъ ладъ, мнѣ приходилъ на память тотъ древній всадникъ, что странствуетъ съ черной заботою у себя за спиной. И я еще думалъ: какое право имѣю я баловаться и тратить деньги тутъ за границей, когда тамъ, дома, у меня нѣтъ ни гроша въ виду и я долженъ вернуться на родину пинцемъ?.. Другими словами, глупѣе того положенія, въ которомъ я находился, трудно вообразить. Все, что бы я ни предпринялъ, казалось равно нелѣпо.

Случай или судьба, но разъ поутру, когда у меня на душѣ было особенно скверно, кто-то изъ русскихъ встрѣтился мнѣ въ коляскѣ, съ багажемъ.

— Куда вы?

— Въ В**.

— Что такъ?

— Да что!.. Здѣсь можно съ ума сойти. Холодъ, рулетки нѣтъ; общество все болѣное—увѣдемте.

— Радъ бы душой; но куда?

— Э! Полноте! Ну не все ли равно? Щемъ покуда вмѣстѣ. Я такъ и быть подожду... Эй! Кучерь! Ихъ фаре нихъ! Цурюкъ!

На другой день мы были въ В**. Спутникъ мой потешилъ меня тотчасъ играть. Это было конечно безумство съ моей стороны; но я далъ себѣ слово, что проиграю не болѣе десяти гульденовъ. Вмѣсто того, не знаю какъ это случилось, я выигралъ триста. Тогда я сталъ разсуждать иначе и мнѣ это показалось совсѣмъ уже не такъ глупо. На выигрышъ я смотрѣлъ какъ на шальныя деньги, съ которыми я имѣю право дѣлать что мнѣ угодно. Я продолжалъ—и счастье дурацкое продолжалось. Не было почти дня, когда я ушелъ бы безъ выигрыша. То 100, то 200 гульденовъ; а разъ какъ-то я размахнулся и въ одно утро выигралъ 900... Это длилось недѣли двѣ. Спутникъ мой проигрался тѣмъ временемъ и уѣхалъ въ Эмсъ, объясняя что въ В** ему никогда не везло. Я остался одинъ. Въ бумажникѣ у меня лежало уже болѣе 10,000 франковъ, кромѣ своего фонда, котораго я не касался. Я былъ какъ въ чаду и не умѣлъ объяснить себѣ какъ это случилось, что я сталъ вдругъ обладателемъ такой суммы. Теперь я не могъ уже такъ спокойно думать, что деньги эти уйдутъ отъ меня тѣмъ же путемъ, какимъ и пришли. Мнѣ это казалось обидно и каждый разъ, отправляясь играть, я трусилъ.—

„Десять тысячъ франковъ—думалъ я—была бы очень хорошая вещь, если бы они остались за мной; но пока я играю, я не могу ни одной копѣйки изъ нихъ назвать своею. Все можетъ исчезнуть какъ сонъ и современемъ непремѣнно должно исчезнуть; ибо не вѣрѣ же выигрывать. Когданибудь, завтра, сегодня же можетъ быть, счастье пойдетъ на утѣхъ и я останусь въ большихъ дуракахъ. Не глупо ли дожидаться этого? Не во

*) Слова и рифы. Изд. 1848 г., т. III.

сто ли разъ умѣре реализовать наконецъ свою добычу, уѣхавъ отсюда немедленно, съ полною суммою выигрыша, и такимъ образомъ, оставить этихъ господъ въ дуракахъ; потому что понятно, они не считаютъ денегъ проигранными, пока понтёръ не уѣхалъ".

И я собирался уѣхать... Къ несчастію, это была одна только сторона вопроса, противъ которой, съ другой стороны, можно было сказать много чего равносильнаго... Можно было сказать, и я, разумѣется, говорилъ себѣ, что если бы я такъ разсуждалъ сначала, я бы не только не выигралъ ничего, но даже и не игралъ бы вовсе. Благоразуміе очень почтенный конёкъ, но на немъ не далеко уѣдешь. Благоразуміе не дало мнѣ ни гроша. Весь выигрышъ мой—дѣло дурацкое, и надо жалѣть только, что оно не было еще безумнѣе,—что я игралъ слишкомъ трусливо,—что вмѣсто гульденовъ, я не ставилъ золота,—свѣртковъ золота. Съ тѣмъ счастьемъ, какое мнѣ везло, я могъ бы выиграть вѣsto разъ больше и обеспечить себя однимъ махомъ на всю оставшую жизнь... А теперь что я буду дѣлать съ своими мизерными тремя тысячами рублей? Они меня не обезпечиваютъ. На нихъ нельзя жить; ихъ можно только прожить. Стойти ли же за нихъ дрожать, какъ я дрожу? Не ближе ли къ цѣли пустить ихъ на удалую?.. Чѣдѣ за бѣда, если я ихъ и проиграю? Досадно только; но положеніе мое въ жизни отъ этого не измѣнится... За то, если выиграю!..

Кончилось это тѣмъ, что я остался и началъ играть на золото. Но какъ на зло, именно съ этого времени, удача моя стала пошатываться. Нѣсколько разъ я еще возвращался съ выигрышемъ, но это уже была натяжка. Въ сущности, мнѣ не везло, и я съ трудомъ, рискуя большими кушами, успѣвалъ воротить потерянное. Такая храбрость однако не долго длилась. Нервы мои не выдержали. Разъ какъ-то, къ вѣчеру, когда проигрышъ перевалилъ за тысячу, я вдругъ струсилъ и, не имѣя духу долѣе рѣзаться, сидѣлъ растерянный... Руки мои тряслись.

— Вамъ не вѣзѣтъ? сказалъ мнѣ одинъ господинъ, который стоялъ у меня за спиной.

— Нѣтъ, отвѣчалъ я.

— Бросьте, вы портите себѣ понапрасну кровь. Пойдемте лучше, сдѣлаемъ туръ по парку.

Я бросилъ и мы ушли.

Человѣкъ, который увелъ меня такимъ образомъ изъ игорныхъ комнатъ, былъ сумрачный и худой, но бодрый еще старикъ, лѣтъ шестидесяти. Густо обросшее, рѣзко-очерченное лицо, вылинявший костюмъ, вихры какого-то опаленного цвѣта, торчащіе на макушкѣ какъ перья, горбатый носъ и пристальный, острый взоръ,—все въ немъ напоминало большую, хищную птицу въ клѣткѣ. Звали его Фіамесъ. Онъ часто стоялъ у игры по цѣлымъ часамъ; но я не помню, чтобы онъ ставилъ что нибудь. Встрѣчаясь почти ежедневно въ курзалѣ, мы знали другъ друга, не будучи въ собственномъ смыслѣ знакомы. Сперва я не могъ угадать его национальности; но потомъ оказалось, что это еврей. Онъ имѣлъ нищенскій видъ, но былъ человѣкъ воспитанный и говорилъ свободно на нѣсколькихъ языкахъ.

— Вы отыгрались вчера? спросилъ онъ меня по французски.

— Да.

— Знаете: я наблюдалъ за вами. Вы не игрокъ. У васъ нѣтъ никакой послѣдовательности въ игрѣ. Не понимаю, какъ можно играть такъ, безъ толку. Это деморализуетъ. Это не цивилизованная война, а какая-то свалка, драка зубами и кулаками.

— А вы считаете цивилизованную войну дѣломъ нравственнымъ? Облупить человѣка систематически, это не деморализуетъ?.. Я былъ раздраженъ игрой и отвѣчалъ неласково.

Онъ усмѣхнулся своею желчной усмѣшкой.—Ну, ну,

не гибѣвайтесь! Не слѣдуетъ дѣлать вопроса о принципѣ изъ вопроса простаго удобства; тѣмъ болѣе если и самый принципъ покуда еще мечта. Исторія человѣчества, вотъ видите-ли, какъ и отдѣльного человѣка, не вышла еще изъ периода войны; да едва ли и выйдетъ когда нибудь. Что дѣлать? Мы всѣ отъ природы готовы дѣлать и всѣ деремся єжеминутно за что нибудь:—за славу, за женщинъ, за деньги, за кусокъ хлѣба насущнаго;—наконецъ, гдѣ не хватаетъ реальныхъ причинъ, деремся такъ, просто, для развлеченья... Вы, напримѣръ...

— Ну нѣтъ, отвѣчалъ я:—я рѣжусь не для забавы. Мнѣ нужны деньги. Если-бъ не это, я не игралъ бы. Игра какъ игра для меня скорѣе противна, чѣмъ привлекательна... И я рассказалъ ему, какъ я очутился въ В***, прибавивъ, что не люблю лицемѣрить съ собой. Если не я одинъ запускаю руки въ чужой карманъ, то дѣло отъ этого мнѣ не кажется нравственнѣе. Не кажется оно нравственнѣе и отъ того, что оно тутъ дѣлается открыто. Со всѣми цвѣтами, фонтанами и парадомъ, со всѣми санкціями закона, моды и благотворительности,—все таки это вертепъ, въ стѣнахъ котораго происходитъ такой же грабежъ, какъ и въ любомъ, потаенномъ игорномъ домѣ Лондона или Парижа.

Въ отвѣтъ на это, онъ объяснилъ мнѣ спокойнѣ, что я не понялъ его. Онъ вовсе не моралистъ, тѣмъ менѣе за игорнымъ столомъ, гдѣ собственно и не мѣсто морализовать. Онъ только хотѣлъ сказать, что игра безъ системы лишаетъ той стойкости при непредвидѣнныхъ оборотахъ счастья, которая, въ регулярной войнѣ, считается нравственной силой. Теряющій эту силу чувствуетъ себя, на языкѣ военной науки, деморализованнѣмъ.—Вы, напримѣръ, въ эту минуту, деморализованы.

— Да, правда, отвѣчалъ я.—Но опытъ, вслѣдъ за наукой, съ которой я впрочемъ мало знакомъ, давно ужъ рѣшилъ, что всѣ системы азартной игры несостоятельны.

— Теоретически, это конечно такъ, подтвердилъ онъ. Въ собственномъ смыслѣ, если хотите, невѣрно даже и называть системою то, что въ вульгарной рѣчи слышать подъ этимъ именемъ. Но практика смотритъ на дѣло иначе. Практически говоря, въ игрѣ существуетъ извѣстнаго рода снаровка, основанная на здравомъ смыслѣ и опыте. Безсмысленно, напримѣръ, идти на проломъ, когда вамъ рѣшительно не везетъ; а потомъ струсить и когда счастіе начинаетъ склоняться на вашу сторону, отыгрывая блѣдными гульденами то, что отъ васъ ушло горстями краснаго золота. Ну вотъ, такого-то рода простая истины, если у васъ на нихъ есть чутье, и составляютъ, въ рукахъ умудренного опытомъ игрока, нѣчто въ родѣ компаса, дающаго ему средство держаться извѣстной послѣдовательности въ игрѣ.

Разговаривая, мы вышли изъ парка на какой-то уединенный путь, который велъ прямо въ гору. День приближался къ концу, но воздухъ, пропитанный запахомъ липъ, былъ душенъ, и съ юга, на горизонтѣ, стояла туча. Издали, отъ курзала, доносились нѣжущіе звуки оркестра. Словно Сирена шѣла, заманивая къ себѣ пловцовъ. Пройдя минутъ двадцать, мы своротили съ дороги и очутились въ лѣсу, на краю высокой площадки, съ которой внизу, подъ ногами, былъ видѣнъ городъ. Мѣсто было скалистое и промежъ сизыхъ, мѣстами обросшихъ мохомъ камней, могучие корни деревьевъ ползли извиваясь, какъ змѣи.

— Сядемъ, сказалъ мой спутникъ.

Мы сѣли. Онъ долго смотрѣлъ мнѣ въ глаза.

— И такъ, вамъ нужны деньги? сказалъ онъ.

— Да.

— Къ чему-же вы ихъ проигрываете?

Я отвѣчалъ, что я въ выигрышѣ.

— А много?

— Да тысячъ восемь осталось еще. (Деньги эти были

въ билетахъ французского банка и я ихъ считалъ на франки).

— А если вы спустите и остальное?

— Что-жъ дѣлать? сказалъ я съ кислой усмѣшкой.— Судьба войны! Не рискуя—не выиграешь.

— Ну, это еще вопросъ. Вонъ банкъ выигрываетъ; а много-ли онъ рискуетъ?

— У банка огромный игорный фондъ.

— Да, отвѣчалъ онъ:— но кроме фонда есть и еще ресурсы. Есть карты и нумера, по которымъ они не платятъ проигрыша. Короче, они играютъ на вѣрняка.

Я согласился.

— А между тѣмъ, продолжалъ онъ таинственно:— и у нихъ есть своя Ахиллесова пятка.

— Чѣмъ вы хотите сказать?

— Пожѣль обѣ этомъ. Позвольте мнѣ прежде сдѣлать одинъ вопросъ. Какъ вы считаете, съ ихъ стороны, эту игру на вѣрняка: честною или нечестною?

Я отвѣчалъ, что вопросъ о чести тутъ лишній. Достаточно и того, что они не передергиваютъ; а что затѣмъ, я не вижу—чтобы они могли играть иначе. Съ какой стати имъ рисковать своими миллионами противъ нашихъ грошей? Миллионы и безъ того растутъ.

— Конечно; но это съ ихъ точки зрењія; а я бы желалъ знать какъ съ вашей. Тотъ фактъ, что они, съ ихъ миллионами, не могутъ играть иначе, обязываетъ ли васъ проигрывать имъ на вѣрняка ваши гроши?

— Конечно нѣтъ. Но какъ избѣжать этого, если однажды съ ними имѣешь дѣло?

— А! это другой вопросъ.

Онъ оборвалъ и съ минуту сидѣлъ потупясь, чертя что-то палочкой по землѣ.

— Положимъ, что вы бы знали способъ, продолжалъ онъ, не поднимая взора:— знали-бы напримѣръ карты и нумера, по которымъ шонтёръ не можетъ быть въ проигрышѣ. Сочли-ли бы вы нечестнымъ воспользоваться подобнымъ знаніемъ противъ людей, которые несомнѣнно играютъ на вѣрняка?

Слова эти и еще болѣе мрачное выраженіе, съ которыми онъ произнесъ ихъ, были такъ странны, что я смотрѣлъ на него съ минуту не отвѣчая.— „Чѣмъ онъ—ужъ не спятилъ-ли“? думалъ я.

Вокругъ между тѣмъ стемнѣло и города ужъ нельзя было разглядѣть. Скалистая мѣстность, теряя во мракѣ свои очертанія, приобрѣтала угрюмый и фантастический видъ. Молнія, изрѣдка ее озарявшая, усиливала еще зловѣщій характеръ картины... Нерви мои были разстроены;— мнѣ вдругъ пришли въ голову: „Волчья долина“ и два стрѣлка, изъ которыхъ одинъ, отпѣтый, сманиваетъ другаго волшебными пулями.

— Да чѣмъ это? сказалъ я.— Колдовство чѣмъ-ли?

Онъ громко захохоталъ, и я никогда не забуду этого хохота. Это былъ наглый, циническій, ядовитый смѣхъ.

— Какое вамъ дѣло? Ну если-бы и колдовство? Чѣмъ вы ужъ не за душу-ли вашу боитесь? Но я не требовалъ еще вашей души. Я только желаю знать, какъ вы думаете... И онъ повторилъ мнѣ тотъ-же вопросъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ я, тоже расхохотавшись:— чортъ ихъ возьми! Я-бы ихъ облупилъ безъ зазрѣнія совѣсти, если-бы знать какъ. Но я не понимаю...

— Эхъ! перебилъ онъ.— Мало-ли чего мы съ вами не понимаемъ! Жизнь вокругъ настъ и въ настъ, полна вещей, которая кажутся непонятны, покуда намъ неизвѣстенъ способъ, которымъ онъ достигаются.

Я всматривался, чтобы узнать, не шутить-ли онъ; но въ сумерки трудно было подмѣтить на этомъ лицѣ что нибудь кроме его обыкновенной, угрюмой сосредоточенности.

— Вы знаете способъ? спросилъ я серьезно.

— Знаю.

— И вѣроятно хотите, чтобы я его испробовалъ?

— Онъ ужъ довольно испробованъ; я предлагаю вамъ имъ воспользоваться.

— А если онъ окажется никуда не годенъ?..

— Чѣмъ? Вашъ развѣгодъ куда нибудь? Если вы разѣ не вѣрите, чтобы одна манера играть могла быть выгоднѣе другой, то все манеры для васъ должны быть равны, и вы ничѣмъ не рискуете, держась какой-бы то ни было одной, опредѣленной.

— Да, отвѣчалъ я:— съ одной стороны оно какъ будто и такъ; но съ другой есть маленькое различіе. Моя бѣзлаберная манера имѣеть въ моихъ глазахъ одно преимущество;—она даровая. Ну а за вашу мнѣ все-же, я полагаю, придется что нибудь заплатить.

— Не дорого. Выигрышъ вы подѣлите пополамъ.

— А проигрышъ?

— Вы не будете вѣрить въ проигрышѣ.

— Шутите! Какъ-же это такъ будетъ?.. Всѣ ставки, что-ли, будутъ даны?

— Конечно нѣтъ. Но вы будете имѣть перевѣсъ, весьма ощутительный и не случайный.

Я смотрѣлъ на него недовѣрчиво.— „Какой нибудь старый, продувшійся игрочекъ“, думалъ я.— „У всѣхъ у нихъ есть своя безошибочная система; да только они не любятъ эксплуатировать ее на свой счетъ“... Но, тѣмъ не менѣе, любопытство мое было затронуто.

— Чѣмъ вамъ мѣшаетъ воспользоваться вашимъ открытиемъ, если вы вѣрите въ немъ такъ увѣрены? спросилъ я.

— Лишній вопросъ, отвѣчалъ онъ.— Неужли вы не видите?

Я вспомнилъ жалкій его костюмъ и мнѣ стало совсѣмъ странно.

— Но чтобы начать, замѣтилъ я поправляясь:— нужно весьма немного. Я, напримѣръ, не успѣлъ проиграть и двухъ гульденовъ.

— Постойте, перебилъ онъ:— этой дорогой мы никуда не приедемъ. Вы мнѣ не вѣрите, и это конечно не ваша вина. Но я живу на свѣтѣ 60-ть лѣтъ и знаю немножко людей. Я вѣсъ не даромъ выбралъ изъ тысячи—одного. Я вѣрю вамъ и хочу заслужить ваше довѣріе. Слушайте, я вамъ разскажу кое-что.

И онъ рассказалъ мнѣ слѣдующее.

II.

— „Вѣ свое время“, говорилъ онъ:— „я былъ извѣстный игрокъ. Смѣлость и счастье служили мнѣ много лѣтъ. Не разъ, когда измѣняло послѣднее, смѣлость одна выручала. Но нѣтъ такого кувшина, который падалъ по воду, когда нибудь не сломалъ-бы шеи. Назадъ тому десять лѣтъ, тутъ вѣрѣли въ В***, меня облупили до-чиста. Изгнаникъ изъ Франціи послѣ декабрскаго переворота, вѣ долгу по горло, безъ гроша наличными, я не могъ выпутаться;—не могъ даже пріютиться тутъ гдѣ нибудь, чтобы зарабатывать себѣ хлѣбъ. Репутація игрока стояла преградой съ одной стороны,—съ другой, озлобленные заимодавцы преслѣдовали меня по всей Европѣ. Тогда я рѣшился на крайнее средство. Хозяинъ игорнаго дома здѣсь вѣрѣли въ В***, былъ мнѣ знакомъ; я обратился къ его великодушію. Но у насъ съ нимъ были старые счеты; незачѣмъ ихъ объяснять. Вѣ отвѣтилъ мнѣ предложено было мѣсто сroupier, съ ручательствомъ, что меня оставятъ вѣ покоѣ, если я уступлю вѣ распоряженіе кредиторовъ часть жалованья. Будь я одинъ на свѣтѣ, я-бы скорѣе повѣсился; но у меня была восьмилѣтняя дѣвочка, дочь; и для нея я принялъ, прося только какъ милости, чтобы мнѣ дали мѣсто гдѣ нибудь, гдѣ мое лицо не такъ знакомо, какъ тутъ. Но просыбъ моя была оставлена безъ вниманія, да и дѣйствительно она не имѣла смысла... Самолюбіе у какого нибудь крупье!..“

„И вотъ“, продолжалъ онъ съ горькой усмѣшкой:— „пригвоздили они меня тутъ вѣ В***, какъ ястреба надъ курятникомъ... Галеры были-бы лучше, чѣмъ этотъ позорный столъ! Я думалъ сначала, что я не вынесу; да и не вынесу-бы, если-бы не злоба. Все что во мнѣ остало-

валось живаго, все слилось въ одно чувство ненависти, и это чувство меня привязало къ жизни. Любимымъ дѣломъ моимъ, въ часы досуга, было грызть ногти, обдумывая: нѣтъ-ли какихъ нибудь средствъ отомстить?.. Десятки плановъ, одинъ другаго безумнѣе, бродили въ моей головѣ, которая посѣдала отъ нихъ. Наконецъ случай занесъ въ нее искру, на первыхъ порахъ чуть тлѣвшую; но это была моя единственная надежда и я за нее ухватился, какъ осужденный на вѣчное заточение хватается за малыйший намекъ на возможность когда нибудь вырваться изъ тюрьмы".

"Въ банкѣ у насъ однажды случился курьезный маленький разговоръ. Управляющій какъ-то сказалъ, что онъ думаетъ сбить двѣ или три рулетки; но кто-то замѣтилъ ему на это, что инструменты новые. Тогда былъ поднятъ, какъ я догадался изъ ихъ объясненій, старый уже вопросъ: насколько индивидуальная качества инструмента могутъ имѣть или не имѣть вліянія на результаты игры?.. Кончилось это тѣмъ, что я выпросилъ и пріютилъ у себя одну изъ изгнанницъ, сказавъ, что хочу поучиться вертѣть. Но это былъ только предлогъ; а цѣль у меня, какъ вы догадываетесь, была другая".

"Долго я бился съ этой рулеткой, сидя одинъ, по ночамъ, какъ воръ выдѣлывающій отмычки. Ясной идеи о томъ, чего я ищу, у меня не было, а было только чутъе. Я брѣлъ въ потемкахъ, ощупью, и долго не могъ прийти ни къ чему; долго это былъ только беззвучный бѣгъ колеса и безмысленное гудѣніе шарика вир-р-ръ! Въ глазахъ рябило, въ ушахъ одуряющій звонъ... я думалъ, что я съ ума сойду. Мало по малу, однако, опытъ, скучиваясь, сталъ повторяться. Чтобы провѣрить его, я придумалъ дѣлить записанную игру на періоды равной величины, и скоро замѣтилъ, что чѣмъ крупнѣе эти послѣдніе, тѣмъ ощущительнѣе въ нихъ повторялись тѣ же аномалии. Это былъ первый лучъ свѣта и онъ ободрилъ меня дивнымъ образомъ. Въ годъ съ небольшимъ, я изучилъ инструментъ въ совершенствѣ, то есть я уѣхалъ, что онъ несомнѣнно фальшилъ, и зналъ аккуратно—въ какую сторону и въ какой мѣрѣ. Но это меня еще не далеко подвинуло. Вопросъ, фальшатъ-ли и всѣ другіе, хотя я мало въ томъ сомнѣвался, не былъ еще решенъ. Какъ уѣхать въ этомъ, и вмѣстѣ какъ изучить тѣ инструменты, которые банкѣ употребляеть въ дѣлѣ? Нѣдѣль мнѣ ихъ не дадутъ, а помимо этого оставалось только одно:—записывать нумера во время самой игры. Но я не могъ заниматься этимъ открыто. Надо было придумать способъ тайной записи и это заняло у меня еще съ годомъ. Въ концѣ его, я выучился повертывать непримѣтнымъ движеніемъ, небольшіе вальки, прикрепленные у меня къ подкладкѣ платья, причемъ записка, стеноографически упрощенная, выходила уже сама собой. А между тѣмъ и это еще не достигало цѣли. Тратить по году на изученіе каждого инструмента, тогда какъ срокъ службы иныхъ длится немногимъ долѣе, было бы очевидно нелѣпо. Надо было найти сокращенный путь; а для этого надо было знать высшую математику. Къ счастію, я имѣлъ о ней нѣкоторое понятіе еще на школьнѣй скамьѣ; но какого труда мнѣ стоило овладѣть наукой настолько, чтобы она могла служить моей цѣли, этого я не могу разсказать. Довольно того, что я провелъ слишкомъ три года надъ изученіемъ только одной теоріи, да еще три надъ приложеніемъ этой послѣдней къ дѣлу. Я испортилъ себѣ глаза ночною работой; я посѣдалъ и сгорбился за девять лѣтъ; но я поклялся во чтобы ни стало добиться до своего; и добился... Постѣ когда нибудь, я вамъ разскажу, что я нашелъ, а теперь время окончить этотъ разсказъ. Два года тому назадъ, я раздѣлся съ банкомъ. Здѣсь въ городѣ, есть одна хозяйка дома, вдова, которая ведетъ маленькая дѣлишки по покупкѣ и перепродажѣ предметовъ роскоши, сбываемыхъ часто прѣжими массой и за безцѣнокъ. Ей нуженъ былъ бухгалтеръ. Я жилъ у нея, и

она, зная меня давно, предложила мнѣ это мѣсто. Такимъ образомъ, рушилось и еще одно препятствіе. Не будучи здѣшнимъ подданнымъ и не служа уже больше въ банкѣ, я въ правѣ играть; но я не въ правѣ выигрывать. Нашъ здѣшній владыка скучилъ мои векселя за безцѣнокъ и держитъ меня въ когтяхъ. Выиграй я сегодня хоть 300 гульденовъ, завтра меня оберутъ или засадятъ, какъ это уже и случалось не разъ".

Онъ кончилъ, и мы сидѣли съ минуту молча. Въ потемкахъ, я не могъ видѣть яспо его лица; но онъ схватилъ меня крѣпко за руку.

— Вѣрите ли вы мнѣ теперь? сказалъ онъ:—и понимаете ли, чего мнѣ нужно?.. Если вы человѣкъ съ сердцемъ, то вы должны понять. Мнѣ нужно не воротить потерянное; миллионы Ротшильда не въ состояніи этого сдѣлать!.. Мнѣ нужно пустить его безъ штановъ!.. Мнѣ нужно выпить кровь этого человѣка, какъ онъ выпилъ мою!

Покуда онъ говорилъ, молнія освѣтила его черты. Я чуть не вскрикнулъ. Лицомъ къ лицу со мною, изъ мрака вырѣзался образъ какого то воплощенаго дьявола...

Потемки и мёртвая тишина... Но вотъ, надъ самою головою опять сверкнуло и грянуло тяжелый раскатъ. Надо было спѣшить, чтобы уйти отъ проливнаго дождя, но это было не такъ легко, потому что дорога шла надъ обрывомъ и по пути стало совсѣмъ темно. Медленно, и рискуя на каждомъ шагу сломать себѣ шею, спустились мы внизъ. Мокрыя улицы города, съ его чистенькими строеніями и съ липовыми или платановыми аллеями, въ минуты когда ихъ озаряла молнія, имѣли какой то сказочный видъ... Еврей проводилъ меня дѣдомъ.

— Заходите, сказалъ онъ, сунувъ мнѣ въ руку свой адресъ:—если васъ сколько нибудь интересуетъ то, что вы слышали, то мы потолкуемъ обѣ этомъ еще.

Я легъ—усталый, разстроенный, и во снѣ мнѣ грезилась разная чепуха. Вдѣбовокъ гроза будила. Въ комнатѣ, озаренной блесковатымъ свѣтомъ, стекла звенѣли, и сверху, надъ головой, казалось крыша проваливается.

III.

Скоро мы сблизились и я началъ его посѣщать. Онъ жилъ въ какой то клѣтушкѣ, на чердакѣ небогатаго дома, и, какъ я думалъ сначала, одинъ. Но разъ, поднимаясь къ нему наверхъ, въ неурочній часъ, я услыхалъ за дверьми два голоса. Одинъ изъ нихъ, старческій, желчный теноръ еврея я тотчасъ узналъ; но голосъ ему отвѣчавшій, нѣжный и умоляющій женскій soprano былъ мнѣ незнакомъ. Я постучалъ и въ тоже мгновеніе все умолкло. Фіамесъ отворилъ мнѣ самъ.

— Кто у васъ тутъ? спросилъ я, встрѣтивъ его на порогѣ.

— Никого, отвѣчалъ онъ:—это мое дитя.

Покуда онъ отворялъ, передо мною мелькнуло видѣніе: нѣжная молодая головка въ вѣнца золотыхъ кудрей и худощавый станъ. Это была дочь еврея, девушка лѣтъ восемнадцати. Она окинула меня дикимъ взоромъ и скрылась. Тогда только я догадался, отчего дверьсосѣдней комнаты, во время моихъ посѣщеній, всегда затворялась съ другой стороны, тихонько, чьей то невидимою рукой.

Я не успѣлъ взглядѣться въ ея черты; но мнѣ сдавалось, что я уже видѣлъ ихъ гдѣ то; и скоро мнѣ удалось припомнить гдѣ. Это было дней десять тому назадъ, въ курзалѣ. Я только что кончилъ игру и отошелъ, какъ на мѣстѣ моемъ очутилась фигурка девушки, до такой степени непохожая на извѣстные типы женщинъ, которыхъ случается видѣть въ толпѣ, у игорныхъ столовъ, что я обошелъ нарочно кругомъ и сталъ супротивъ, чтобы видѣть ея лицо. Черты его

были почти ребяческія и выражали робость, въ борьбѣ съ неудержимымъ желаніемъ. Она оглянулась и быстро поставила гульденъ à six . Кассиръ, сидѣвшій насупротивъ, перемигнулся съ товарищемъ и погрозилъ ей пальцемъ. Въ то же мгновеніе, ставка была дана. Она получила деньги; но ей былъ сдѣланъ рѣшительный знакъ, чтобы она убиралась прочь. На другой день, въ ту же пору, я видѣлъ ее опять у игры и на этотъ разъ очень близко. Она стояла какъ разъ сзади меня, приподнявшись на цыпочкахъ и вытянувъ шею, чтобы видѣть透过我的肩膀. Я чувствовалъ у себя въ волосахъ ея дыханіе. Рука съ монетой нѣсколько разъ прокрадывалась изъ подъ моей руки, и наконецъ, улучивъ минуту, проворно исполнила свой маневръ. Гульденъ ея очутился опять à six . Я пропустилъ нарочно ставку, желая увидѣть, что будетъ. Она опять выиграла и на этотъ разъ, въ кассѣ ея не замѣтили; но тутъ случилось нѣчто довольно обыкновенное за игорнымъ столомъ, вокругъ котораго шныряютъ разнаго рода промышленники. Прежде чѣмъ ей удалось взять выигрышъ, за нимъ протянулась быстро чья то другая, толстая, отвратительная рука. Я оттолкнулъ послѣднюю,—и передалъ деньги ей. Покуда она благодарила меня, съ другой стороны кто то выругался на грубомъ, прирейнскомъ нарѣчи. Тѣмъ дѣло и кончилось... Три раза, я, такимъ образомъ, ее видѣлъ мелькомъ; но послѣ третьаго она сама постаралась разсѣять мои сомнѣнія. Едва я ушелъ отъ ея отца, какъ встрѣтилъ ее опять. Это было на улицѣ, недалеко отъ дома. Замѣтивъ меня, она остановилась сконфуженная; на полудѣтскомъ ея лицѣ было ясно написано, что она хочетъ мнѣ что то сказать, но не знаетъ какъ и боится, чтобы кто нибудь не увидѣлъ ея со мной, и стыдится вступить въ разговоръ съ почти незнакомымъ ей человѣкомъ, на улицѣ. Не сомнѣваясь уже, что это та самая, я поклонился.

— Здравствуйте, мадемузель Фіамесь, сказалъ я ей по французски:—я очень радъ слушаю возобновить знакомство.

— Ахъ! отвѣчала она.—Прошу васъ, не думайте обо мнѣ дурно, и ради Бога, не говорите отцу, гдѣ вы меня встрѣтили! Вы сдѣлаете меня несчастною.

Я успокоилъ ее, сказавъ, что ей нечего отъ меня опасаться и она тотчасъ же уѣждала домой.

Но есть какая то полоса въ подобного рода вещахъ. Дня черезъ два, въ сумерки, ко мнѣ постучались.

— Herein!

Дверь отворилась и въ комнату, робко осматриваясь, вошла моя молодая знакомая.

— Мамзель Фіамесь!

— Тссъ! перебила она.—Не называйте меня по имени. Папа не любить, когда его произносятъ громко.

— Садитесь, прошу васъ.

— Нѣтъ, я не смѣю... Я къ вамъ на минуту;—отецъ прислалъ;—велѣлъ вамъ сказать, чтобы вы не приходили сегодня... У него гости.

Мнѣ удалось однажды усадить ее и я зажегъ свѣчи. Передо мною сидѣло какое то странное существо; въ дрянномъ платьишкѣ и стоптанныхъ башмакахъ, она имѣла видъ феи, переодѣтой маленькою мѣщенкой. Едва округленныя формы стана и худенькия, слегка приподнятыя плеча, усмѣшка на половину дѣтская и взоръ дикой козочки, и туча густыхъ, золотистыхъ волосъ на волѣ... Трудно бы было рѣшить, что это:—женщина уже, или еще дитя, если-бъ минутами, тѣни какой то ранней думы, вдругъ набѣжалъ на ея лицо, не сообщали его чертамъ печальный и озабоченный видъ. Такъ, часто, на самомъ разсвѣтѣ жизни и въ розовомъ, озаренномъ лучами надеждъ—туманѣ едва пробуждающагося сознанія, сказывается уже какая нибудь глубоко заложенная, но не развитая еще, будущая болѣзнь или страсть.

— Гости, вы говорите? Какие гости?

— Я не видала; но кажется... я боюсь, что это изъ банка.

— Такъ что жъ?

Она затруднялась.—Не знаю... У нихъ какое то дѣло съ отцомъ. Они запираются и считаютъ на счетахъ; и послѣ того отецъ всегда бываетъ разстроенъ... Однажды... Она оглянулась тревожно:

— Прощайте.

Но я удержалъ ее.

— Если отецъ тамъ занятъ, сказалъ я:—то вѣроятно вы не нужны ему. Къ тому же онъ самъ вѣсъ прислалъ ко мнѣ, мадемузель Фіамесь.

— Сара, поправила она.—Зовите меня просто Сарою.

— Сара, я вѣсъ прошу, посидите со мною еще немного;—поговоримъ.

При всей своей дикости, ей очевидно было пріятно мое приглашеніе.

— Мнѣ бы не слѣдовало, отвѣчала она:—потому что я ужъ не маленькая. Но вы такъ добры къ отцу и я вѣсъ люблю за то, что вы не гордый,—не презираете нашей бѣдности... Знаете, это рѣдко, чтобы кто нибудь изъ подобныхъ вамъ заглянулъ въ нашу ман-руду У насъ тамъ такъ пусто и мы такъ бѣдны!..

Молчаніе.

— Вы русскій?

— Да.

— Князь?

— Нѣтъ, Сара, не князь...

— Однако, все таки, благородный?

— Да, если хотите, я, по рожденію, принадлежу къ привилегированному сословію; но въ нашемъ отечествѣ это несвязано уже теперь ни съ какимъ исключительнымъ положеніемъ.

Она задумалась.

— Въ вашемъ отечествѣ очень холодно?

— Зимою, да; но теперь и у насъ тепло.

— Зачѣмъ же вы уѣзжаете?

Подумавъ, я отвѣчалъ, что уѣхалъ лечиться.

— Развѣ вы нездоровы?

— Да, я зимою хворалъ.

— Вы очень богаты?

— Нѣтъ, Сара, напротивъ, я бѣденъ.

— Неправда; я видѣла вашу игру;—вы ставили золото.

Я не зналъ что ей отвѣтить; но она не настаивала. Мысли ея очевидно блуждали.—А впрочемъ, продолжала она:—и мы не всегда жили такъ. Было время—я плохо помню его, потому что мнѣ было въ ту пору всего какихъ нибудь 6—7 лѣтъ; но кое что у меня осталось въ памяти. Я помню богатый домъ, экипажъ, кучу прислуги, наряды, игрушки... да и папа былъ въ ту пору совсѣмъ другой. У меня есть портретъ его, который мнѣ бы хотѣлось вамъ показать, чтобы вы полюбовались какимъ онъ былъ молодцомъ. Совсѣмъ не старикъ;—и въ такомъ славномъ, бархатномъ платьѣ; съ толстою, золотою цѣпичкой, и съ новою шляпой въ рукахъ;—а сзади шелковый занавѣсъ съ бахрамой, и изъ подъ занавѣса видѣнъ балконъ, знаете этакъ съ мраморными перилами; а за балкономъ паркъ... Бѣдный отецъ! Онъ никогда не говорить о прошломъ; но я догадываюсь, что онъ имѣлъ большія несчастія... И у меня былъ еще портретъ,—покойной матери; но этотъ папа взялъ къ себѣ и спряталъ... Мать у меня была француженка, да и папа на половину уже французъ.

Молчаніе.

— Вы не женаты?

— Нѣтъ.

Она опять задумалась.

— Вы не игрокъ?

— Нѣтъ; но я иногда играю, вы понимаете, какъ п другое.

— О! для мужчины, тутъ нѣтъ ничего неприлич-

Литературный альбомъ. „Иванъ Царевичъ на коврѣ-самолѣтѣ“. Ориг. рис. Н. Н. Каразина, грав. Флюгель.

наго;—особенно для пріѣзжаго. Пріѣзжие господа всѣ играютъ... Я бы желала быть мужчиною. Я бы сейчасъ пошла и сорвала банкъ; потому что рука у меня сча-

стливая... Однако, я засидѣлась тутъ, съ вами... Прощайте! Прощайте!.. И не взирая на всѣ мои просьбы остататься еще поболтать, она уѣжала.

(До слѣд. №).

Страшный долгъ.

(Абхазская легенда).

Всеволода Соловьева.

* * *

Въ абхазскомъ аулѣ, расположенному среди самой живописной горной мѣстности, жила красивая дѣвушка, по имени Рити. Ее страстно любилъ и настоятельно за нее сватался старшина аула, Гихъ-Урсанъ. Онъ былъ молодъ, красивъ, отличался храбростью и нравился Рити; но особенной любви она къ нему еще не чувствовала.

Она была черезчуръ молода, только что вышла изъ дѣтства; ей жилось хорошо и весело, она была довольна своей судьбой и о свадьбѣ не хотѣла еще думать—даже почему-то боялась этой мысли. Поэтому на предложеніе Гихъ-Урсана она отвѣчала ни да, ни нѣть, хотя никакъ не избѣгала его общества.

У Рити былъ братъ, почти однихъ лѣтъ съ нею, не-много постарше, котораго она очень любила. Мальчикъ этотъ до сихъ поръ еще ни разу не принималъ участія ни въ одномъ набѣгѣ своихъ одноаульцевъ и горѣлъ нетерпѣніемъ хорошенько побиться съ сосѣдями — цебельдинцами, исконными врагами абхазцевъ.

Онъ получилъ отъ Гихъ-Урсана обѣщаніе, что въ слѣдующій набѣгъ непремѣнно возмутъ его.

И вотъ жители аула стали приготавляться къ набѣгу. Передъ самымъ выступленіемъ Гихъ-Урсанъ повторилъ свое предложеніе Рити.

— Вотъ я теперь иду въ набѣгъ, сказалъ онъ ей,— какъ знать, вернусь ли. Но обѣщай ты мнѣ, что если вернусь по добру по здорову, то согласишься быть моей женой. Твое обѣщаніе придаетъ мнѣ удачу и счастье. Не будь же такой холодной, милая моя Рити, — пожалѣй меня!..

Говоря это, онъ, сильный и гордый старшина, казался такимъ жалкимъ, его голосъ звучалъ такъ нѣжно, что Рити наконецъ тронулась его любовью и у нея у самой горячѣе забилось сердце.

Она ласково взглянула на него.

— Хорошо, я согласна, Гихъ-Урсанъ,—сказала она,— только съ однимъ условиемъ: ты берешь въ набѣгъ моего брата и я очень боюсь за него... Такъ вотъ все и чудится, что не свидѣтъ мнѣ съ нимъ больше... Обѣщай-же мнѣ, что станешь охранять его, что вернешь его невредимымъ. Если-же ему судьба быть убитымъ, то принеси мнѣ хоть его голову, чтобы я могла увидѣть ее въ послѣдній разъ и похоронить въ родномъ аулѣ.

— Клянусь тебѣ, Рити, исполнить твое желаніе! отвѣтилъ Гихъ-Урсанъ. Ты сняла теперь большую тяжесть съ моего сердца и пусть хоть всѣ цебельдинцы противъ меня выступятъ—я не боюсь ихъ, я буду думать о тебѣ, о счастьи, которое меня ожидаетъ—и останусь побѣдителемъ.

* * *

Выступили абхазцы изъ аула; но какъ ни были они осторожны, а цебельдинцы все-же во время узнали объ ихъ приближеніи, не дали застать себя врасплохъ, встрѣтили враговъ съ оружiemъ въ рукахъ.

Произошла жаркая схватка, во время которой и та, и другая сторона выказали много отваги. Горцы дрались какъ звѣри. Ряды абхазцевъ и цебельдинцевъ убывали съ каждой минутой. Все мѣсто побоища было усыпано убитыми и тяжело ранеными.

Гихъ-Урсанъ, ни на шагъ не отступая, драился вне-

реди своихъ абхазцевъ, въ то же время стараясь защищать собою брата Рити, котораго не отпускалъ отъ себя. Но вотъ и Гихъ-Урсанъ, сильно раненый въ плечо, упалъ на груду труповъ.

Не будучи въ состояніи, отъ изнеможенія и раны, шевельнуть ни однимъ членомъ, онъ, какъ въ туманѣ, видѣлъ, что одинъ изъ враговъ напалъ на брата Рити. Храбрый юноша отчаянно защищался; но все-же былъ убитъ на повалѣ. Убившій его цебельдинецъ быстро отрѣзалъ ему шашкой голову, спряталъ ее въ свой мѣшокъ и скрылся за выступомъ скалы.

Гихъ-Урсанъ испустилъ слабый стопъ и потерялъ сознаніе.

* * *

Когда онъ очнулся — ни своихъ, ни враговъ уже не было. Все было тихо; онъ лежалъ среди труповъ. Первое, на чемъ остановился взглядъ его — было обезглавленное тѣло брата Рити.

Гихъ-Урсанъ вспомнилъ все—тоска и ужасъ сдавили ему грудь.

„Что я теперь буду дѣлать? шепталъ онъ, — какъ вернусь въ аулъ, какъ покажусь на глаза Рити?.. Я поклялся ей вернуть брата живымъ или хоть принести его голову... Я не могу теперь исполнить этой клятвы... Стыдъ и позоръ на мнѣ! Рити отвернется отъ меня съ презрѣніемъ, весь аулъ будетъ издѣваться надо мною, дѣти станутъ показывать на меня пальцами и дразнить меня... Я — клятвопреступникъ!.. Рити!.. О какъ я люблю ее“!..

Онъ вспомнилъ всѣ свои мечты, которыя преслѣдовали его даже въ пылу битвы...

„Одно мнѣ только теперь и остается, стональ онъ,— покончить съ собою“!..

И рука его инстинктивно потянулась къ кинжалу, висѣвшему у него за поясомъ. Онъ уже вынималъ кинжалъ изъ ноженъ—мигъ—и онъ нанесъ бы себѣ смертельную рану; но вдругъ чей-то голосъ прошепталъ надъ нимъ:

— Стой! оставь кинжалъ! зачѣмъ понапрасну убивать себя!

Гихъ-Урсанъ въ изумленіи поднялъ голову и увидѣлъ, что надъ нимъ стоитъ высокій, стройный, молодой цебельдинецъ съ блѣднымъ лицомъ, съ горящими какъ уголь глазами и страшной улыбкой.

Невольная дрожь пробѣжала по членамъ Гихъ-Урсана, а молодой цебельдинецъ продолжалъ:

— Несчастный, жалкій человѣкъ! неужели думаешь ты, что нѣть уже на свѣтѣ такой силы, которая-бы вернула тебѣ твое счастье?!

— Нѣть такой силы! отчаянно крикнулъ Гихъ-Урсанъ и снова схватился за кинжалъ.

— А горный духъ? сказалъ съ какимъ-то нечеловѣческимъ смѣхомъ незнакомецъ. — Тебѣ стоитъ только призвать его—и онъ вмигъ поможетъ тебѣ...

Выпало оружіе изъ руки Гихъ-Урсана.

— Горный духъ, повторилъ онъ—и, вспомнивъ слова пѣсни, которую призывали горнаго духа, онъ слабымъ голосомъ, впадая въ забытье и оѣзиеніе, запѣлъ эту пѣснь.

Вдругъ ужасный хохотъ огласилъ долину и съединилъ горы. Незнакомецъ распахнулъ свою бурку — и Гихъ-Урсанъ увидѣлъ подъ нею мертвую голову брата Рити.

— Вотъ она! бери ее! крикнулъ странный цебельдинецъ.

Окровавленная голова упала прямо на колѣни Гихъ-Урсану.

— Я исполнилъ твоё желаніе... Я далъ тебѣ то, что теперь для тебя всего дороже; но помни, что съ этой минуты ты у меня въ долгу. Десять лѣтъ я не стану напоминать тебѣ о твоемъ долгѣ, но ровно черезъ десять лѣтъ возьму у тебя то, что будетъ для тебя тогда дороже всего на свѣтѣ!

И съ этими словами страшный цебельдинецъ исчезъ.

* * *

Гихъ-Урсанъ перевязалъ свою рану, спряталъ окровавленную голову брата Рити въ мѣшокъ, который для подобной цѣли имѣетъ при себѣ всякий горецъ, отправляющійся драться съ врагами, и хоть съ большимъ трудомъ, но все-же добрался въ родной аулъ.

Его встрѣтило съ радостью все населеніе аула, такъ какъ немногіе вернувшіеся изъ набѣга воины рассказали, что онъ, вмѣстѣ съ братомъ Рити, былъ убитъ въ схваткѣ. Но Гихъ-Урсанъ мало обратилъ вниманія на этотъ приемъ — онъ спѣшилъ въ саклю Рити, гдѣ бѣдная девушка убивалась и плакала по своемъ любимому братѣ.

Увидя обезображенную голову юноши она предалась еще большему отчаянію и Гихъ-Урсану стоило много труда ее успокоить и заставить примириться съ мыслию объ ея тяжелой утратѣ.

Однако время и искусство Гихъ-Урсана взяли свое. Черезъ нѣсколько дней Рити перестала плакать и убиваться, а еще черезъ нѣсколько дней начала съ видимымъ удовольствиемъ вслушиваться въ страстныя признания Гихъ-Урсана.

— Ты исполнилъ свою клятву, говорила она, — и я должна сдержать свое обѣщаніе.

— Нѣтъ, Рити, — отвѣчалъ ей Гихъ-Урсанъ, — я не хочу тебя неволить. Если ты идешь за меня только для того, чтобы сдержать обѣщаніе — я тебя отъ него освобождаю. Что мнѣ проку въ томъ, что ты будешь моей женой, если я стану сомнѣваться въ любви твоей.

— Развѣ ты не видишь теперь, что я люблю тебя, съ тихой и нѣжной улыбкой перебивала его Рити; — теперь я совсѣмъ одинока, нѣтъ моего милаго брата, теперь ты у меня одинъ остался, такъ какъ-же мнѣ не любить тебя!!

Гихъ-Урсанъ чувствовалъ себя очень счастливымъ; но его смущала мысль о томъ, что онъ скрываетъ отъ своей милой тѣ обстоятельства, при которыхъ онъ получилъ возможность исполнить данную ей клятву. Только все-же онъ не рѣшился ей признаться.

Скоро былъ назначенъ день ихъ свадьбы. Весь аулъ принималъ участіе въ этомъ торжественномъ событии. Гихъ-Урсанъ со своей молодой и красивой женой зажилъ на славу и, окруженный ея любовью и всеобщимъ уваженіемъ, совсѣмъ даже позабылъ о своей встрѣчѣ съ ужаснымъ цебельдинцемъ и о срокѣ, который тотъ назначилъ ему для уплаты долга.

* * *

Прошло десять лѣтъ. Гихъ-Урсанъ попрежнему жилъ счастливо и любовно со своею Рити, только для полнаго счастія имъ все-же кое-чего недоставало. Не было у нихъ дѣтей, и они оба горячо желали имѣть ребенка.

— Ахъ, если-бы у насъ родился сынокъ! часто говорилъ Гихъ-Урсанъ, глубоко вздыхая.

И вотъ на десятомъ году супружества Рити наконецъ стала надѣяться, что желаніе его будетъ исполнено. Но она, по абхазскому обычай, тщательно скрывала отъ него это обстоятельство.

Разъ ночью, Гихъ-Урсанъ крѣпко спалъ. Рити почувствовала, что рѣшительная минута настала. Она ти-

хонько встала съ постели, зажгла огонь, сняла со стѣны винтовку мужа и выстрѣлила въ дверь сакли.

Гихъ-Урсанъ проснулся отъ выстрѣла, увидѣлъ жену съ дымящейся винтовкой въ рукахъ и понялъ, что означалъ этотъ издавна принятый обычай выстрѣль.

Онъ вскочилъ съ радостнымъ крикомъ и, даже позабывъ надѣть шапку, кинулся за опытной старухой, которая должна была оказать помощь Рити.

Приведя старуху, онъ остался у входа въ саклю и ждалъ съ замираніемъ сердца. Минуты казались ему безконечными.

Но вотъ дверь пріотворилась и у порога показалась старуха.

— Отвага или красота? сдѣлалъ онъ, едва владѣя собою, неизбѣжный въ подобномъ случаѣ вопросъ.

— Отвага! торжественно отвѣтила старуха.

Это значило, что у него родился сынъ.

Гихъ-Урсанъ какъ сумасшедший кинулся въ саклю.

Жена простирала къ нему объятія, а рядомъ съ нею барахтался крошечными ноженками и рученками и задорно пищалъ здоровенький мальчикъ.

Гихъ-Урсанъ чувствовалъ, что опять теперь — счастливѣйший человѣкъ во всемъ свѣтѣ.

* * *

Скоро Гихъ-Урсанъ и Рити, по абхазскому обычай, выбрали одного почтенного и зажиточного жителя сосѣдняго аула въ атала ^{*)} своему сыну.

Назначенъ былъ день передачи ребенка воспитателю. Обрядъ этотъ долженъ былъ совершиться съ обычною въ такихъ случаяхъ торжественностью и церемоніей.

Наканунѣ дня передачи Гихъ-Урсанъ заснулъ счастливый и довольный въ своей саклѣ. Сонъ его былъ крѣпокъ. Но вдругъ кто-то разбудилъ его. Онъ проснулся, и каковъ же былъ его ужасъ, когда, при слабомъ мерцаніи начинавшагося утра, онъ увидѣлъ передъ собою знакомую фигуру горнаго духа, принимавшаго видъ цебельдинского воина.

„Десять лѣтъ прошло, Гихъ-Урсанъ, — шепнулъ горный духъ, сверкнувъ глазами, — завтра я получу отъ тебя долгъ мой!“

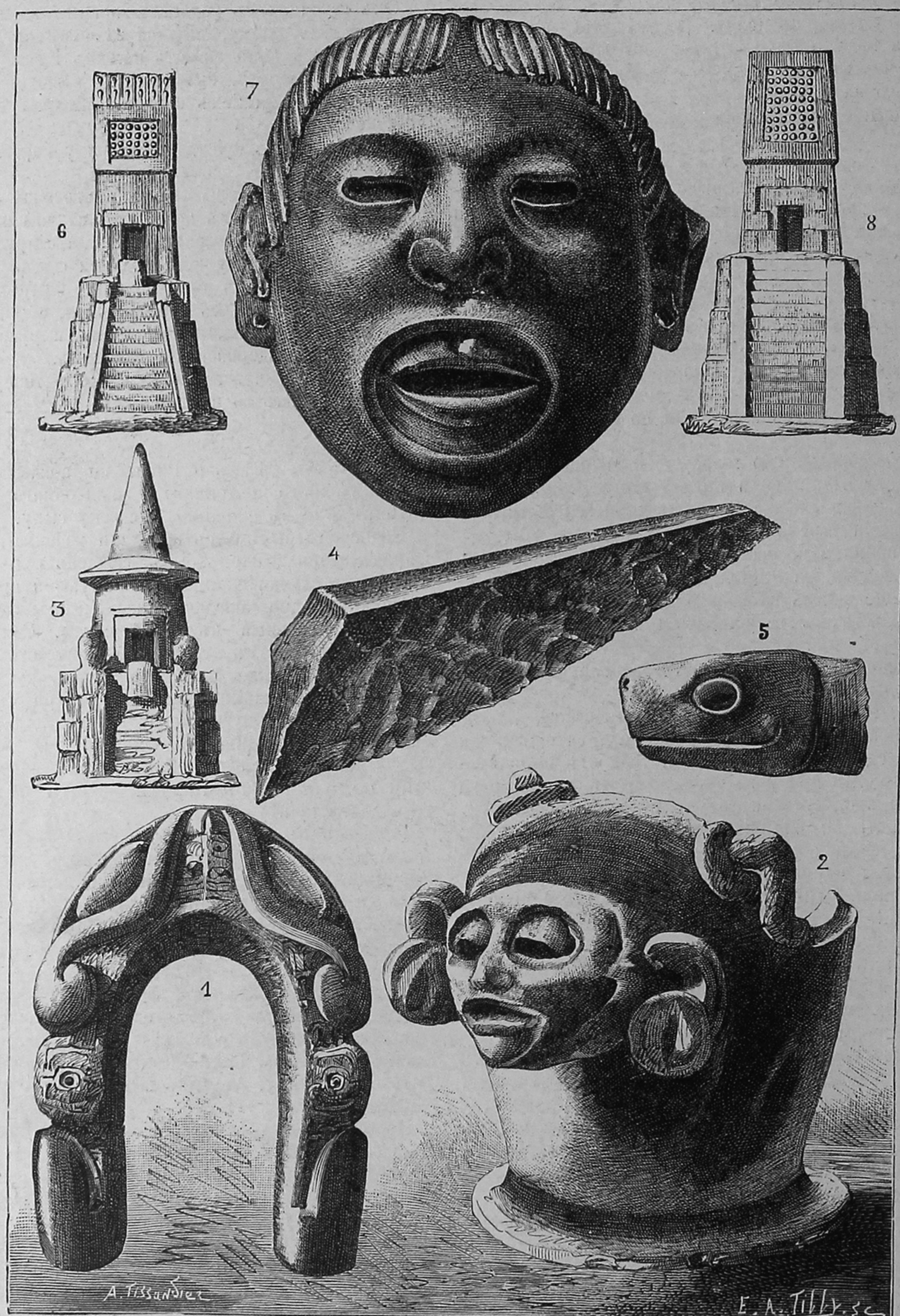
Гихъ-Урсанъ отъ невольного ужаса впалъ въ забытье. А когда очнулся — было уже совсѣмъ свѣтло и онъ, вспомнивъ случившееся съ нимъ, не могъ даже рѣшить, было ли это на яву, или во снѣ. Онъ постарался отогнать отъ себя тяжелыя мысли, постарался заглушить въ себѣ тоскливо предчувствіе, которое щемило его сердце.

Скоро явился атала, собрались сосѣди. Рити съ большимъ горемъ, которое однако же она тщательно скрывала, повинувшись обычаемъ предковъ, простилась со своимъ ребенкомъ. Гихъ-Урсанъ съ рукъ на руки передалъ его атала. Атала вышелъ изъ сакли съ ребенкомъ.

Но вотъ въ это самое мгновеніе, на ярко голубомъ небѣ обрисовалась черная точка. Точка эта росла, росла, приближалась и уже ясно всѣ могли различить гигантскаго орла, который кружился въ воздухѣ. Орелъ быстро спустился надъ атала, взмахомъ крыла сшибъ его съ ногъ, схватилъ огромными когтями плачущаго ребенка и, прежде чѣмъ собравшіеся успѣли прийти въ себя, исчезъ съ нимъ въ вышинѣ. Ужасъ напалъ на всѣхъ. Рити въ отчаяніи ломала себѣ руки и обливалась слезами.

Но одинъ только Гихъ-Урсанъ понималъ, что это

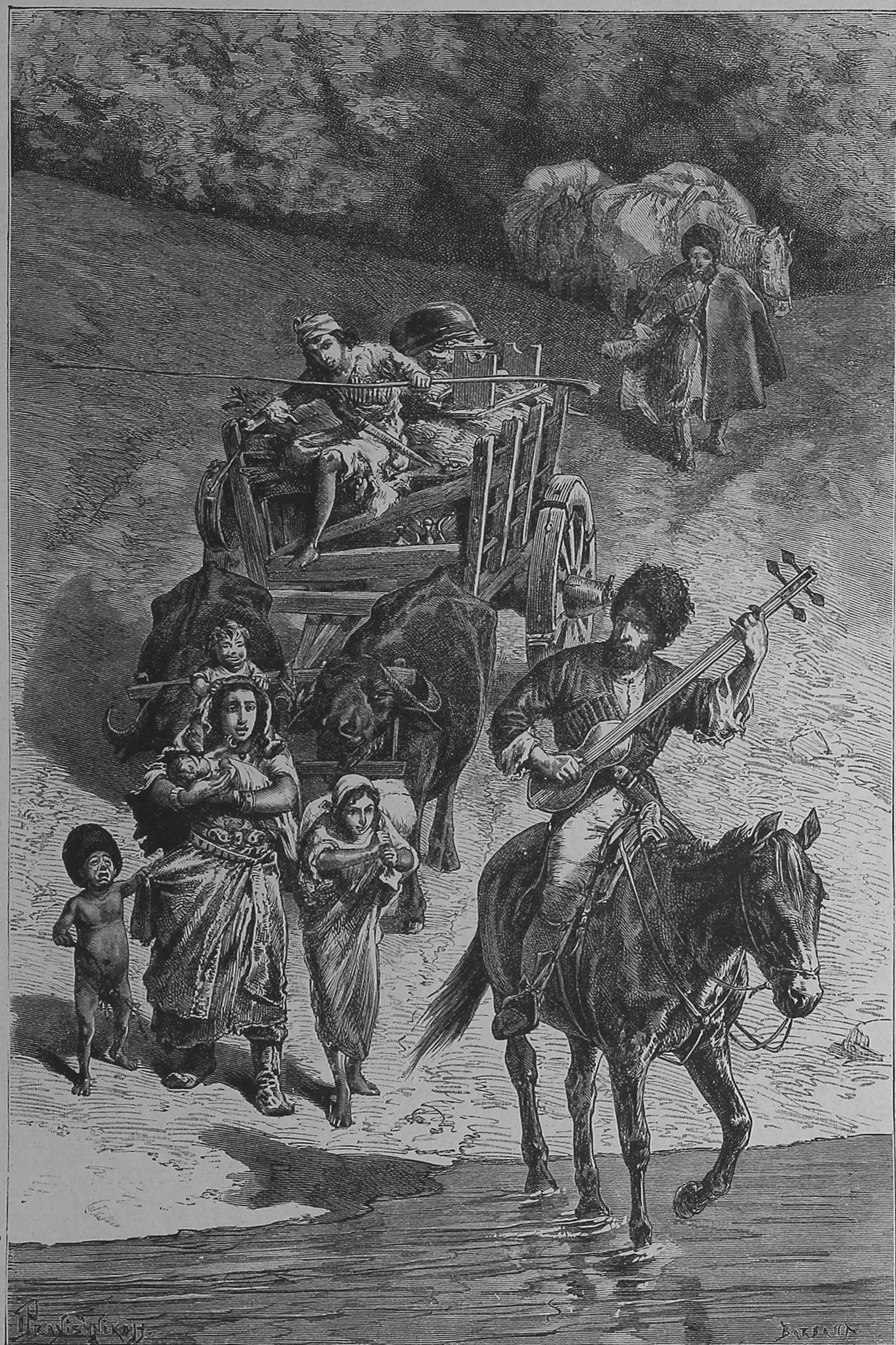
^{*)} Въ Абхазіи, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ кавказскихъ странахъ, издавна существуетъ обычай *аталычество*. *Атала* — воспитатель, которому поручается ребенокъ съ тѣмъ, чтобы онъ жилъ и воспитывался у него до совершеннолѣтія. Такимъ образомъ мальчикъ, выросшій въ чужой семье, незнающей отца съ матерью, вернувшись въ родной домъ, чувствуетъ себя чужимъ. Этотъ нелѣпый обычай, естественно, способствуетъ только распаденію семьи, производить раздоры, а часто и семейный развратъ. В. С.

Мексиканскія древности. Принадлежности обрядовъ человѣческихъ жертвоприношеній.

Рис. Тиссандье, грав. Тилле.

1) Ошейникъ для головы жертвы. 2) Жертвоприношения ваза. 3, 6 и 8) Входъ въ жертвенный храмъ. 4) Жертвенный ножъ. 5) Изображеніе лица жертвователя, обтянутое кожею жертвы.

Семья армянъ, возвращающаяся въ Георгію. Ориг. рис. И. Прянишникова, грав. Барбантъ.

значить. Онъ какъ безумный выбѣжалъ изъ аула въ горы. Онъ рѣшился во что бы то ни стало добыть своего сына, отнять его у горнаго духа.

* * *

Онъ скитался по горамъ нѣсколько дней, питался дикими ягодами, утолялъ жажду у шумно бѣгущихъ источниковъ. Онъ взбирался все выше и выше, на такія крутизны, по которымъ еще не ступала нога человѣка.

Долго его поиски были тщетны. Но вотъ онъ сталъ иногда явственно слышать гдѣ-то не далеко плачъ своего ребенка и дикій хохотъ горнаго духа.

Онъ останавливался, затаивъ дыханіе, замирая отъ сердечной муки, чутко прислушиваясь. Тогда плачъ и хохотъ смолкали.

Все было тихо кругомъ, только гдѣ-то внизу раздавался выстрѣлъ охотника, только гдѣ-то вверху, надъ скалой, слышался взмахъ орлиныхъ крыльевъ.

Но одинъ разъ дѣтскій плачъ и страшный хохотъ раздались такъ близко отъ Гихъ-Урсана, что онъ чуть не скатился съ кручи въ бурно-бѣжавшую на днѣ пропасти рѣку. Онъ поднялъ глаза и увидѣлъ надъ собою, на самомъ краю острого выступа скалы, своего сына. Малютка пересталъ плакать. Озаренный яркимъ солнцемъ, онъ игралъ разсыпанными вокругъ него цветами, а горный духъ, склонившись надъ нимъ, напѣвалъ ему нѣжную колыбельную пѣсню. Вѣтерокъ сдувалъ лепестки розъ и айда, которые крутились въ воздухѣ и долетали до самого Гихъ-Урсана. Вѣтерокъ развѣвалъ пряди черныхъ волосъ горнаго духа, обрамлявшихъ его блѣдное лицо съ невыносимо горящими глазами.

Гихъ-Урсанъ не могъ вынести этого зрѣлища. Онъ испустилъ отчаянный стонъ и изо всѣхъ силъ поползъ на верхъ скалы, цѣпляясь за острые каменья. Но въ эту минуту раздался снова дикій хохотъ. Гихъ-Урсанъ скатился внизъ и остался недвижимъ, въ полномъ усыпленіи.

На слѣдующій день было тоже самое. Горный духъ давалъ несчастному отцу возможность любоваться ребенкомъ издали. Но каждый разъ, когда Гихъ-Урсанъ старался приблизиться, то впадалъ въ дремоту и засыпалъ закодрованнымъ сномъ.

Наконецъ Гихъ-Урсанъ убѣдился, что не можетъ сладить съ очарованіемъ, что своими силами не добудетъ ребенка. Тогда онъ вспомнилъ о знаменитомъ джигитѣ Ширапѣ, который славился своею силою, безстрашемъ и твердостью. Вспомнилъ еще Гихъ-Урсанъ, что у него есть шашка съ крестообразнымъ эфесомъ, взятая имъ отъ плѣнного глаура, который рассказалъ ему, что, по волѣ Аллаха, шайтанъ, какъ увидитъ этотъ крестъ — тотчасъ же начинаетъ терзаться, будто бы его огнемъ палить.

Нашелъ Гихъ-Урсанъ джигита Ширапа, рассказалъ ему о своемъ горѣ и просилъ у него помощи. Ширапъ согласился вступить въ поединокъ съ горнымъ духомъ. Отправились они въ горы и скоро услыхали плачъ ребенка и сладкую колыбельную пѣсню духа.

Человѣческія жертвы въ древней Мексикѣ.

(Рис. на стр. 84).

Древне-мексиканская цивилизациѣ, съ ея причудливыми, оригинальными формами, долго оставалась какой-то темной загадкой для ученыхъ. Только въ послѣднее время, благодаря переводамъ испанскихъ историковъ, современниковъ Фердинанда Кортеса, и археологическимъ находкамъ, удалось ближе ознакомиться какъ съ обычаями, такъ и съ религіозными воззрѣніями древнихъ Аттековъ, странно соединявшихъ въ своемъ народномъ характерѣ возвышенные чувства съ обрядами самыми кровожадными и дикими. Къ послѣднимъ принадлежитъ и извѣстная особенность древне-мексиканского культа, строго требовавшаго при всѣхъ чрезвычайныхъ событияхъ и празднествахъ человѣческихъ жертвоприношеній. Такъ воспещество на престолъ каждого новаго царя ознаменовывалось бойней мно-

— Прощай! сказалъ Ширапъ Гихъ-Урсану. — Оставайся здѣсь и жди меня. Дай мнѣ твою шашку, увижу — правду ли рассказалъ тебѣ плѣнный глауръ про то, что шайтанъ креста боится.

Сказалъ это Ширапъ и, подобно легкой сернѣ, помчался вверхъ, перепрыгивая съ утеса на утесъ, чрезъ пропасти. Онъ былъ уже близко къ самой вершинѣ скалы. Не разъ чувствовалъ онъ, какъ слабость на него нападаетъ, какъ сонъ начинаетъ клонить его. Но онъ понималъ, что то чары горнаго духа. Онъ думалъ о своей шашкѣ, думалъ объ отчаяніи Гихъ-Урсана и отгонялъ отъ себя и слабость и сонъ. Онъ закутывалъ себѣ башлыкомъ голову, чтобы не слышать манящихъ, чарующихъ звуковъ колыбельной пѣсни и поднимался все выше и выше.

Вотъ, вотъ онъ сейчасъ достигнетъ вершины скалы, съ которой раздается пѣсня и плачъ ребенка!..

Но, что это? Передъ нимъ, въ двухъ шагахъ отъ него, вдругъ очутилась молодая абхазка, легкая и грациозная, какъ видѣніе, прекрасная какъ первая изъ женъ Магометова рая, будто сотканная изъ легкихъ предразсвѣтныхъ облаковъ и горнаго воздуха. Одѣжда ея была такъ прозрачна, что черезъ нее просвѣчивали роскошныя формы. И Ширапъ могъ бы сосчитать каждую розовую жилку на персахъ этой волшебной красавицы.

Не устоялъ джигитъ и жаднымъ взоромъ впился въ дивное видѣніе, и остался неподвиженъ, готовый уже поддаться очарованію; но внезапно пришедшая мысль о шашкѣ глаура, снова заставила его очнуться. Образъ красавицы испарился въ воздухѣ. Ширапъ кинулъ вверхъ и въ нѣсколько отчаянныхъ прыжковъ былъ на вершинѣ скалы передъ горнымъ духомъ.

Тотъ сверкнулъ глазами, схватилъ ребенка и, выпрямившись во весь свой нечеловѣческий ростъ, поднялъ малютку надъ бездной, будто собираясь его туда кинуть.

Ширапъ невольно остановился.

Тогда горный духъ снова положилъ ребенка на цѣѣты.

Одно только мгновеніе продолжалась нерѣшительность Ширапа. Внизу, далеко подъ скалою, до его слуха донесся вопль Гихъ-Урсана и этотъ вопль придалъ ему рѣшимость. Онъ отломилъ крестообразную рукоятку отъ шашки, съ проклятиемъ кинулъ на духа и изъ всѣхъ силъ бросилъ въ него этой рукояткой. Дрогнула вся скала и пошатнулась. Горный духъ застоналъ и низринулся въ пропасть.

Ширапъ схватилъ ребенка и, крѣпко держа его, спустился со скалы къ счастливому, невѣрящему своимъ глазамъ, Гихъ-Урсану.

* * *

Абхазцы рассказываютъ, что и до сихъ поръ изъ этой пропасти, въ которую упалъ духъ и которая называется шайтанъ-саи-набрикъ, то есть „пропасть большаго демона“, слышатся вопли и стоны...

Кутаись, 30-го августа 1882 года.

гочисленныхъ плѣнниковъ, и Аксаякатль, преемникъ знаменитаго Монтезумы, даже началъ тотчасъ же по воцареніи войну съсосѣдними племенами, чтобы пріобрѣсти побольше жертвъ для предстоящаго своего коронованія. Такой же политики держался и послѣдующій царь Ахитцатль, означенавшій свое царствованіе постройкой громаднаго храма, при торжественномъ освященіи котораго, по словамъ Торквемады, было принесено въ жертву богамъ до 72,324 плѣнниковъ. Вообще же обычай человѣческихъ жертвъ былъ столь распространенъ въ Мексикѣ, что даже историки самые умѣренные опредѣляютъ число такихъ закланій, по меньшей мѣрѣ, 20,000 ежегодно, но конечно были годы, когда особенные какія-нибудь события давали еще большую пищу народному кровожадному фанатизму.

Извѣстно даже, что многие изъ благородныхъ испанцевъ, несчастныхъ сопутниковъ Кортеса, попавшися въ руки мексиканцевъ, были торжественно принесены народомъ въ жертву его отвратительнымъ, безобразнымъ богамъ на террасѣ главнаго храма.

Человѣческія жертвоприношенія обыкновенно сопровождались особыми обрядами, которые теперь намъ стали достаточно извѣстны, благодаря археологическимъ находкамъ и пространнымъ извѣстіямъ испанскихъ историковъ. Жертвоприношеніе происходило обыкновенно передъ дверьми одного изъ тѣхъ храмовъ, которые представлены на нашемъ рисункѣ (см. фиг. 3, 6 и 8). Эти храмы были, какъ видно, построены по одному образцу. Высокая лѣстница вела къ площадкѣ, на которой возвышаются одна или двѣ башни, где помѣщались идолы. Передъ входомъ въ башню утверждался небольшой камень, имѣвши почти величину стола и нѣсколько заостренную форму. На этотъ то столъ клади военнооплѣнного или раба, предназначеннаго въ жертву, такимъ образомъ, что ноги его спускались съ одной изъ сторонъ возвышенія, а голова съ другой; голова кромѣ того прикрѣплялась къ камню особаго рода хомутомъ, покрытымъ скульптурными изображеніями и также изображеніемъ на нашемъ рисункѣ (см. фиг. 1).

При такомъ положеніи жертвы, грудь ея представляла возвышенную выпуклость. Но вотъ жрецъ приближается къ ней, вооруженный ножемъ, сдѣланымъ изъ агата (см. фиг. 4), который и вонзаетъ въ шею несчастнаго; затѣмъ, разрѣзывая реберные хрящи, онъ распластываетъ грудь, захватываетъ сердце, вырываетъ его и еще трепещущее и полное крови, преподносить идоламъ, присутствующимъ во внутренности храма. Потомъ неоднократно онъ еще погружаетъ свои руки въ жертву, чтобы почерпнуть тамъ крови и окропить ею стѣны святилища.

Послѣ этой церемоніи трупъ низвергался съ лѣстницы храма, у подножія которой его разрывали на части и каждый изъ присутствовавшихъ имѣлъ право унести свою долю для своей домашней трапезы.

Эти церемоніи, ужасныя сами по себѣ, дѣлались еще ужаснѣе, отъ разныхъ отвратительныхъ обрядовъ, предписанныхъ закономъ при ихъ совершеніи. Кромѣ того самые храмы, залитые всегда кровью, быстро портившіеся на южномъ солнѣцѣ, представляли собою настоящія логовища разложенія и заразы. Даже одежды жрецовъ распространяли нестерпимый, гнилостный запахъ, чѣмъ очень гордились эти представители страшнаго культа. Кромѣ того, по словамъ испанскихъ историковъ, благочестивые люди, снабжавши храмы живыми жертвами, чтобы имѣть право съѣсть ихъ впослѣдствіи, тщательно заботились объ ихъ питаніи и объ улучшеніи, такимъ образомъ, ихъ мяса въ гастрономическомъ отношеніи. Съ этого цѣлью ихъ помѣщали въ особаго рода клѣткахъ и давали имъ разнообразную и обильную пищу. Часто рабъ, предназначенный въ жертву, подвергался предварительно особаго рода пыткамъ; таѣмъ его заставляли плясать

кругомъ зажженного костра и такимъ образомъ радоваться своей собственной смерти; случалось, что на этомъ же костре его нѣсколько поджаривали предъ совершеніемъ окончательной казни. Кромѣ того люди особенно набожные, не довольствуясь обыкновенной формой жертвоприношенія, служили сами алтаремъ для таинства; жертва зарѣзывалась на ихъ собственной спинѣ, такъ что они могли даже чувствовать послѣднія конвульсіи несчастнаго. Часто, по принесеніи жертвы, съ трупа снимали кожу, въ которую и облекался жрецъ до тѣхъ поръ, пока она не предавалась окончательному разрушению. Этотъ отвратительный обычай, разсказываемый испанскими историками, при всей своей невѣроятности, впрочемъ блистательно подтверждается найденными въ Мексикѣ статуэтками идоловъ, облеченныхъ такимъ образомъ въ кожу закланыхъ жертвъ. На нашей гравюрѣ помѣщены два изображенія подобнаго рода. Фигура 7-я представляетъ лицо жреца, покрытое кожей жертвы. Широко раскрытый ротъ мертвѣца позволяетъ свободно видѣть другой, полузакрытый ротъ, принадлежащий человѣку живому. Кромѣ того, глаза послѣдняго ясно видны между безжизненными вѣками трупа. Фигура же вторая представляетъ вазу, украшенную изображеніемъ такого же благочестиваго жреца, облеченнаго въ кожу жертвы. Читая всѣ эти ужасныя подробности человѣческихъ жертвоприношеній, можно подумать, что мексиканцы были въ одно и тоже время народомъ тупымъ и жестокимъ, между тѣмъ исторические факты доказываютъ совершенно противное; мексиканцы не были народомъ тупымъ,— они пользовались довольно высокой цивилизацией и кромѣ того не были жестоки въ обычныхъ отношеніяхъ жизни. Антропофагія даже не встрѣчается совсѣмъ въ ихъ народныхъ обычаяхъ и они не дотрогивались до человѣческихъ труповъ, если послѣдніе не принесены были въ жертву ихъ религіозному культу. Это они доказали даже во время осады испанцами Мексики, когда томимые голодомъ, питались корнями деревьевъ и предпочитали лучше умереть съ голоду, нежели быть своихъ солдатъ, убитыхъ непріятелемъ. Очевидно, что мексиканцы оказывались жестокими лишь подъ вліяніемъ одного грубаго фанатизма. Они не были злы отъ природы, но когда они слышали ночью оглушительный трескъ барабановъ, которыми жрецы призывали ихъ въ храмъ бога войны, то кровожадному ихъ энтузіазму не было предѣла; тогда они вооружались шоголовно и шли войною на сосѣдей, чтобы добить какъ можно больше плѣнниковъ, требуемыхъ въ жертву. Въ чрезвычайныхъ же случаяхъ они сами добровольно отдавали себя на закланіе, для умилостивленія какого нибудь кровожаднаго идола.

Всѣ мексиканская древности, описанныя нами и представленные на рисункахъ, хранятся въ Парижскомъ этнографическомъ музеѣ, во дворцѣ Трокадеро и представляютъ дѣйствительно чрезвычайно пѣнныи и интересныи матеріяль для изученія древней Мексики.

Къ рисункамъ.

Возвращеніе съ охоты.

(Рис. на стр. 76 и 77).

Рисунки нашего талантливаго Н. Е. Сверчкова (портретъ и біографія котораго были помѣщены въ „Нивѣ“ № 51, прошлаго года) отличаются особенно поразительною правдою и вѣрностью изображенія русскихъ сценъ, глубокимъ изученіемъ типа, особенно русской лошади и русской природы, что теперь создало чуть ли не цѣлуу школу. Никогда для красоты или эффектности рисунка не пожертвуетъ онъ точностью и вѣрностью изображенія.

Охота кончена. Псари слѣзли съ измученныхъ коней и разсѣдливаютъ ихъ; голодныя собаки жадно лакаютъ овсянку и охотники устали—много было скачки и порканья по осеннимъ лѣсамъ съ обсыпавшейся листвой, много бойкихъ русаковъ и быстрыхъ лисъ навезено въ торокахъ. Рокотали охотничы рога, раздаваясь по гулкому лѣсу, слышался короткій, частый лай гончихъ и топотъ сильныхъ, выносливыхъ, степныхъ коней. Скоро все успокоится, пойдуть охотники и завалятся спать; но и во снѣ любимая охота будетъ все грезиться утомленнымъ псарямъ, и даже собаки, растянувшись на полу сборной избы, тякаютъ во снѣ и перебираютъ лапами, первно вздрогивая, ибо имъ все кажется, что онѣ несутся въ далекомъ полѣ въ бѣшеной гонкѣ, и за собою слышать бойкій топотъ копытъ и рѣзкіе крики мчащихся охотниковъ и что вотъ, вотъ они совсѣмъ достукаютъ хитраго, увертливаго лиса...

Коверъ - самолѣтъ.

(Рис. на стр. 81).

Любимое дѣтище народной фантазіи, герой этихъ чудныхъ, волшебныхъ сказокъ, волновавшихъ кровь намъ въ дѣтствѣ, оставилъ въ нашихъ сердцахъ глубокій слѣдъ, не изгладимый даже сѣдою старостью. Герой, родившійся за печкою русскаго пахаря, скрывающій подъ видомъ простоватаго дурачка свои великие задатки... Идеаль чести, правды и благородства;

грозный боецъ за все слабое, угнетенное; побѣдитель чарь и злыхъ силь—однимъ словомъ—нашъ, искони извѣстный, Иванушка-дурачекъ, онъ же Иванъ-царевичъ, воплотившій въ себѣ всѣ лучшіе народные идеалы, искони бывшій, сущій и грядущій, пока жить будетъ нашъ русскій народъ, а съ нимъ его духъ, его пѣсни, его творческая сила.

Вотъ онъ въ бѣлой рубахѣ, бѣловолосый, сидѣть на печи, помахивая спущенными рукавами, жуеетъ краюху хлѣба, подтруниваетъ надъ братьями умниками, покорно вынося самъ ихъ насышки, а подъ-часть и тычки... Вотъ онъ въ шапкѣ, подстерегаетъ злого вора—кобылку златогривую и побѣждаетъ ее самымъ простѣйшимъ способомъ.. Вотъ онъ уже подъ покровительствомъ добрыхъ волшебныхъ силъ, и силы эти любовно относятся къ нему, все больше за его простоту и прямодушіе... Для него наступаетъ пора борьбы, пора всякихъ подвиговъ... Онъ скачетъ на волкѣ сѣромъ, перекидывается яснымъ соколомъ, носится на крылатомъ конѣкѣ выше лѣса стоячаго, ниже облака ходячаго, бѣется съ бабою-ягою, съ ея сестрами вѣдьмами побѣждаетъ Змѣя-торынича, великана-чудища иноземнаго, братается съ солнцемъ и луною, летаетъ на коврахъ-самолетахъ, выручаетъ изъ бѣды кита-великана, добываетъ жаръ-тици, всяко злато-серебро, каменя самоцѣнныи, однимъ словомъ—проходитъ безконечный рядъ фантастическихъ приключений, въ концѣ концовъ выходя отовсюду торжествующимъ побѣдителемъ, награждаясь красавицею женою—царь-дѣвицею и царствомъ, на благо, утѣху и радость ликующему народу...

Кругъ сказокъ объ Иванушкѣ дурачкѣ, Иванѣ-царевичѣ—самый разнообразный по своимъ варіантамъ... а варіантъ этихъ павѣрнаго столько же, сколько Ивановъ на всей землѣ русской, не даромъ это имя самое излюбленное, обратившееся отчасти даже въ нечто общее, собирательное. Предполагая дать на страницахъ „Нивы“ цѣлый рядъ иллюстрацій къ русскимъ народнымъ сказкамъ, начинаемъ этотъ рядъ Иваномъ-царевичемъ, летящимъ въ воздухѣ, со своею невѣстою, Царь-дѣвицею, на коврѣ-самолетѣ.

Семья армянъ.

(Рис. на стр. 85).

Истый сынъ востока, важный и неподвижный, не особенно благосклонно относится къ армянскому племени; ему не нравится его суетливая живость, торговая дѣловитость, хитрость и вкрадчивость, вообще всѣ тѣ качества, которыми оно пріобрѣло такое вліяніе и силу во многихъ странахъ, населенныхъ мусульманами. Но эти качества, иногда и отрицательныя, являются необходимымъ послѣдствиемъ той безотрадной исторической роли, которая выпала на долю армянского племени. И греческие императоры и сельджуки и монголы, а за ними хищные полчища Тамерлана опустошили и разорили армянъ, такъ что въ концѣ XI вѣка все почти его населеніе разбрелось въ сосѣднія страны. И армяне сносили все покорно и терпѣливо. Армяне Турции и нашего Закавказья много еще сохранили черть, наложенные на нихъ восточнымъ вліяніемъ.

Вотъ какъ разсказываетъ одинъ путешественникъ по Кавказу свою встречу въ горахъ съ семьей армянъ, встрѣчу, изображенную на нашемъ рисункѣ.

„Я встрѣтилъ эту семью неподалеку отъ Очемшири. Они возвращались въ Георгію, откуда уходили въ Абхазію вслѣдствіе беспорядковъ, бывшихъ на ихъ родинѣ. Это была семья одного купца. Глава семьи былъ верхомъ, очень хорошо и чисто одѣтый, съ великолѣпнымъ оружиемъ, что рѣдко между армянами, ибо вообще они его не носятъ. Онъ держалъ въ рукахъ свою „чонгури“, музикальный инструментъ, который непремѣнно есть у каждого армянина, и бѣдного, и богатаго. Онъ игралъ на этой „чонгури“ разныя мелодіи, а его сынишка ревѣлъ между тѣмъ, схватившись за подоль матери и не желая ни идти въ воду, ни садиться въ арбу. Комична была мина малютки, въ папахѣ, которая и составляла весь его костюмъ. Другого ребенка мать несла на рукахъ, а третій умостился у нея за спиной, смѣясь надъ ревомъ и всхлипываньями своего братишкі. Мать-же, идя, пѣла громко подъ аккомпанементъ мужа. Она пѣла все время, пока мы, съ ихъ позволенія, сняли съ нихъ фотографію, и долго потомъ раздавалась въ горахъ странная, полудикая, задумчивая пѣсня. Костюмъ женщины нѣсколько необыченъ, согласно обстоятельствамъ. Она не носила обычной „тасакравы“ съ покрываломъ. Ея прекрасные черные волосы ниспадали широкими космами на плечи, покрытыя яркимъ шелковымъ платкомъ. Ея шея, руки, станъ были обвѣшаны украшеніями, артистически сдѣланными. Эти цѣнныя предметы составляли контрастъ съ ея бѣднымъ, дорожнымъ платьемъ.

Справа около нея шла ея старшая дочь, также несшая свою часть багажа. За семейной группой шла арба, запряженная двумя могучими буйволами, которыми правилъ молодой слуга; съ обычными у армянъ добродушемъ и терпѣливостью, онъ исполняетъ свои многоразличныя обязанности — кучера,

повара и няньки маленькаго капризного крикуня, которому онъ говорить вслѣдъ ласковыя и успокаивающія слова. Въ арбѣ были уложены предметы домашней необходимости. Тутъ были мѣшки съ мясомъ, кувшины, мѣхи и бубны, необходимый инструментъ у армянъ. За этимъ первобытнымъ экипажемъ шелъ еще прислужникъ въ высокой папахѣ и буркѣ, который велъ въ поводу двухъ лошадей, навьюченныхъ очень грунно, коврами, оружіемъ и разными путевыми принадлежностями...

По поводу юбилея В. А. Жуковскаго.

29 января текущаго года, какъ известно, предполагается отпраздновать достойнымъ образомъ день рождения нашего незабвенного поэта — Жуковскаго, такъ какъ съ этого достопамятнаго дня, т. е. съ 29 января 1783 года, уже цѣлое столѣтіе кануло въ вечность.

Вспомнить этотъ день и достойно почтить его, конечно, составляетъ священную обязанность каждого образованнаго русскаго, такъ какъ каждый изъ насъ испытывалъ на себѣ не разъ высокое воспитательное значение поэзіи В. А. Жуковскаго, исполненной чистыхъ и незадаточныхъ идей и цѣломудренныхъ, изящныхъ образовъ. Всѣ его произведенія, по прекрасному выражению П. А. Плетнева, имѣютъ какой-то семейный отпечатокъ; „вездѣ присутствіе чистоты, любви къ природѣ, къ нравственному порядку; вездѣ успокоеніе духа, вѣрованіе въ лучшія качества человѣческаго сердца; вездѣ ожиданіе тѣхъ

утѣшительныхъ обѣтованій, которыми жизнь и смерть примирены и равно освящены для души христіанина“. Дѣйствительно Жуковскій представляетъ собой высокій образецъ поэта, служившаго постоянно высокой правдѣ, а не матеріальной чувствительности. Даже въ юные годы, онъ не измѣнялъ себѣ въ этомъ отношеніи и, не имѣя другихъ идеаловъ, воспѣвалъ сельскую жизнь и природу, какъ онъ самъ о томъ говорить въ одномъ изъ своихъ раннихъ стихотвореній:

Мнѣ рокъ судилъ брести невѣдомой стезей,
Быть другомъ мирныхъ сель, любить красы природы,
Дышать подъ сумракомъ дубравной тишиной,
И, взоръ склонивъ на пѣнны воды,
Творца, друзей, любовь и счастье воспѣвать...

Только особыя, чрезвычайныя событія оторвали поэта отъ тихаго созерцанія природы и указали ему его высокое назначеніе. Такимъ событіемъ — была отечественная война 1812 года, неожиданно призвавшая Жуковскаго на поле битвы. Съ этого момента онъ дѣлается пѣвцомъ народнымъ, патріотическимъ. Его „Пѣвецъ въ станѣ русскихъ воиновъ“ облетѣлъ всю Россію и впечатлѣніе, произведенное имъ на современниковъ, — неотразимо. Здѣсь Жуковскій явился достойнымъ глашатаемъ народныхъ чувствъ этой безпримѣрной эпохи. Его чудные

В. А. Жуковскій. Столѣтній юбилей. Рис. Бокуръ, грав. Шапонъ.

стихи, ихъ „плѣнительная сладость“, по выражению Пушкина, и до сихъ поръ сохраняютъ вполнѣ свои достоинства.

Когда все сладко для сердца: честь, свобода,
Великость, слава, миръ, отечество, алтарь,

Все, все, слилось въ одно святое слово: Царь!

Но оставаясь всю жизнь глубокимъ патріотомъ, страстно любившимъ свое отечество, Жуковскій до конца жизни не переставалъ быть поэтомъ-космополитомъ. Онъ всюду бралъ все высокое, изящное, подходящее къ его собственному духу, и передавалъ его на родномъ языке, для наслажденія и поученія своего народа.

Взглядъ на призваніе поэта былъ у Жуковскаго совершенно своеобразный, какъ это видно между прочимъ изъ его совѣта нашему современному поэту Майкову. „Пускай онъ возьметъ,—писалъ Жуковскій,—себѣ за образецъ Шекспира, Данте, а изъ древнихъ Гомера и Софокла. Пускай напитается исторіей и знаніемъ природы, а больше всего знаніемъ Руси, той Руси, которую намъ создала ея исторія, Руси богатой будущимъ, не той Руси, которую выдумываютъ наши поклонники безумныхъ доктринъ нашего времени, но Руси Самодержавной, Руси христіанскої—и пускай, скопивъ это сокровище знаній, это сокровище материала для поэзіи, пускай проникнетъ свою душу святынею христіанства, безъ которой наши знанія не имѣютъ цѣли, и всякая поэзія не иное что, какъ жалкое сибаритство—руслака, убийственно щекочущая душу“. И Жуковскій до гроба былъ вѣренъ этому высокому призванію поэта. Недаромъ, еще при жизни, его такъ высоко цѣнили современники какъ поэта и человѣка и даже почитили его юбилеемъ—почесть въ ту эпоху очень рѣдкая. Этотъ первый юбилей Жуковскаго происходилъ въ 1849 г., когда исполнилось ровно 50 лѣтъ со времени появленія его первого, написанного еще въ дѣствѣ произведенія. Днемъ празднества было избрано также 29-го января, день рожденія поэта. Въ квартиру князя П. А. Вяземскаго приглашены были всѣ друзья поэта, бывшіе тогда въ столицѣ; кроме того, собраніе было осчастливлено присутствіемъ Государя Великаго Князя Наслѣдника. На праздникѣ одно изъ стихотвореній князя П. А. Вяземскаго, написанное въ честь отсутствующаго поэта, было прочитано, а другое пропѣто. Чтобы порадовать отдаленаго друга, цѣлые листы были исписаны поздравленіями присутствующихъ и эти листы были отправлены на другой день въ Баденъ-Баденъ, где тогда жилъ Жуковскій. Въ то же время поэтъ былъ награжденъ отъ Государя орденомъ Бѣлаго Орла, сопровождаемымъ самой милостивой грамотой.

Программа предстоящаго нынѣ юбилея нашего знаменитаго поэта обѣщаетъ быть очень разнообразной.

Вилла Гамбетты. Рѣчь его въ палатѣ.

(Рис. на стр. 89).

Осень Гамбетта нерѣдко проводилъ въ своей дачѣ „Ле-Жарди“, въ Вилль д'Аврѣ, близъ Парижа; это—небольшой, но комфортабельный домъ, окруженный зеленью (какъ читатели могутъ видѣть на рисункѣ); сюда часто сбѣжался кружокъ его близкихъ друзей. Надо замѣтить, что бывшій диктаторъ пользовался большою популярностью и какъ политической дѣятель и чисто по личнымъ свойствамъ своего характера,—открыто, добродушного и веселаго; въ немъ сказывался, въ значительной степени, и „bon vivant“, что видно изъ блестящихъ праздниковъ, обѣдовъ, которые онъ давалъ, когда жилъ въ бурбонскомъ дворцѣ, какъ президентъ палаты депутатовъ; вообще онъ очень любилъ роскошь обстановки, блескъ, парады. Рассказываютъ, что военная музика, видъ марширующихъ войскъ производили на него магическое впечатлѣніе, не разъ замѣчали у

него даже слезы на глазахъ. Завзятые республиканцы порицали въ немъ эти стороны его характера; вмѣстѣ съ тѣмъ, его горячая любовь къ пережившему его отцу, къ его теткѣ, м-ше Массаби, завѣдавшей его хозяйствомъ въ началѣ его парижской карьеры, вошли въ пословицу. Въ концѣ прошлаго ноября разыгралась драма, которая имѣла своимъ послѣдствиемъ смерть Гамбетты. События это рассказываютъ различно. Одни утверждаютъ, что онъ ранилъ себя, разряжая револьверъ, другіе,—что дѣло происходило совершенно иначе, а именно, что къ нему явилась подруга его юности, и послѣ горячаго разговора, выхватила револьверъ, намѣреваясь тутъ-же покончить съ собой, Гамбетта вырвалъ его у нея и—произошедшемъ при этомъ выстрѣломъ—себя ранилъ въ руку и въ животъ. Въ началѣ рана не возбуждала беспокойства, но лихорадка не прекращалась, а развившееся внутреннее воспаленіе привело къ катастрофѣ и Гамбетта умеръ за нѣсколько минутъ до наступленія 1883 года по новому стилю. Вѣроятно коммуна подыметъ голову и, заставивъ, наконецъ, Францію образумиться, невольно будетъ способствовать возстановленію монархіи, число сторонниковъ которой значительно возрасло.

Въ теченіе долгаго времени, какъ известно, Гамбетта, несмотря на свое огромное влияніе въ палатѣ депутатовъ, уклонился отъ поста первого министра. Между тѣмъ, ничего не было для него легче, какъ получить эту постъ, на которомъ его желали видѣть и друзья, и враги: друзья—по причинѣ весьма понятной и не требующей объясненій, а враги—по разсчету (вскорѣ вполнѣ оправдавшемуся), такъ какъ хорошо знали, что онъ не удержится и что его паденіе значительно ослабитъ его престижъ и влияніе. Странно, что этого не понималъ самъ Гамбетта. Но—какъ-бы то ни было, а въ ноябрѣ 1881 г. онъ принялъ сдѣланное ему президентомъ республики предложеніе составить кабинетъ. Въ званіи первого министра онъ не замедлилъ выказать деспотическая стороны своего характера: въ его министерство не было приглашено ни одинъ замѣчательный, ни одинъ выдающійся государственный дѣятель и въ сущности оно состояло изъ самого Гамбетты. Послѣдствія скоро сказались: „диктаторъ“ въ своемъ кабинетѣ, онъ и отвѣчалъ (гораздо болѣе, чѣмъ всякий другой глава министерства) за малѣйшій промахъ каждого изъ своихъ товарищѣй, не имѣвшихъ никакого голоса, а обязаннѣхъ слѣпо повиноваться и слѣдовать политикѣ президента совѣта. Министерство продержалось всего три мѣсяца и начало всѣдствіе поднятаго Гамбеттой вопроса о scrutin de liste. Съ этого времени и до самой своей смерти, Гамбетта игралъ лишь второстепенную роль; вся его дѣятельность ограничилась рѣчами по нѣкоторымъ дѣламъ и преимущественно по тунисскому вопросу. Въ египетскомъ вопросѣ, въ которомъ онъ выказалъ и болѣе патріотизма, и болѣе прозорливости, нежели всѣ тѣ, кто руководилъ тогда французскими дѣлами, онъ стоялъ на сторонѣ союза съ Англіей, но, какъ сами англичане признаютъ,—будь онъ еще первымъ министромъ,—англійскія войска вошли бы въ Египетъ не иначе, какъ бокъ о бокъ съ французскими и тогда, конечно, весь ходъ дѣла былъ-бы иной. Франція не потерпѣла бы того униженія, которое испытываетъ теперь, и вообще, при Гамбеттѣ она не была бы изолирована, ея значеніе не призилось бы, какъ нынѣ. Но тѣмъ не менѣе, его склонность къ Англіи была очевидна; она выразилась, между прочимъ, и въ дружескихъ отношеніяхъ съ принцемъ Уэльскимъ (сэръ-Дилькомъ), а также и въ его податливости въ переговорахъ о торговомъ трактатѣ и т. д. На прилагаемомъ рисункѣ Гамбетта изображенъ говорящимъ рѣчъ въ Палатѣ депутатовъ, въ качествѣ первого министра; онъ былъ признаваемъ лучшимъ ораторомъ нашего времени.

Стѣненія въ сельскомъ хозяйстве Англіи.

Очеркъ Ф. Омтеда.

Давно уже въ Англіи исчезъ—почти совершенно—типъ крестьянина-собственника, попадающагося только въ видѣ рѣдкаго исключения среди сельского населенія лордовъ и фермеровъ. Не находя въ общественномъ устройствѣ прежнихъ временъ никакой опоры и поддержки въ борьбѣ съ стремлениемъ крупныхъ владѣльцевъ сосредоточить въ своихъ рукахъ земельную собственность, онъ, мало по малу, уступилъ, продалъ имъ свои участки, превратившись въ арендатора.

Согласно большой государственной книѣ—Doomsday Book 1086 г., въ тогдашней Англіи (составлявшей приблизительно $\frac{1}{5}$ нынѣшней) насчитывалось около 140 тысячъ крестьянъ землевладѣльцевъ. Еще въ 1650 г. число юменовъ, т. е. свободныхъ собственниковъ-крестьянъ опредѣлялось въ 150 тысячъ. Кромвель взялъ изъ нихъ лучшій контингентъ для своей парламентской арміи. Въ 1714 г. на парламентскихъ выборахъ въ Суссекскомъ графствѣ вотировало еще 4 тысячи свободныхъ владѣльцевъ, изъ крестьянского сословія, тогда какъ нынѣ не найдется ихъ и 400. Потомки тѣхъ прежнихъ мелкихъ владѣльцевъ сидятъ теперь арендаторами на нѣкогда принадлежавшихъ имъ семействахъ участкахъ. Но и это арендаторство превратилось, въ свою очередь, въ наследственное. На земляхъ преимуществен-

но древнихъ фамилій арендованный участокъ переходитъ, въ теченіи цѣлыхъ поколѣній, отъ отца къ сыну, и для нихъ, для этихъ хозяевъ, ферма стала роднымъ домомъ. И однако это наследственное, съ незапамятныхъ временъ, пользованіе не основывается ни на какомъ письменномъ условіи; юридически наемъ продолжается всего одинъ годъ. Впрочемъ, рядомъ съ этимъ обычнымъ видомъ аренды, встрѣчается и наемъ земли, закрѣпленный письменнымъ, формальнымъ контрактомъ.

Подъ вліяніемъ цѣлаго ряда урожайныхъ годовъ, давшихъ богатую жатву, на ряду съ хорошими цѣнами, въ средѣ сельскихъ предпринимателей—скунщиківъ, фермеровъ,—развилась сильнейшая спекуляція. Разсчитывая на прогрессивное повышеніе, они чрезмѣрно подняли покупныя цѣны и арендную плату: хозяева увлеклись желаніемъ увеличить свои оборотные капиталы.

Число ихъ опредѣлялось въ 600 тысячъ и количество вложенныхъ ими капиталовъ—въ 3000—3500 миллионовъ рублей. Въ настоящее же время тысячи этихъ арендаторовъ разорены и сотни тысячъ акровъ земли остаются не воздѣланными.

Батраковъ (семейныхъ) во всей Великобританіи насчитываетъ приблизительно до 800 тысячъ.

Лѣтъ двадцать тому назадъ батракъ зарабатывалъ не болѣе пяти рублей въ недѣлю. Влача жалкое существованіе, они обитали въ грязныхъ и нездоровыихъ жилищахъ. Но, около 1870 г. въ ихъ положеніи произошла крутая перемѣна. Фабричные рабочіе составили союзы, съ цѣлью добиться повышенія заработной платы. Батраки послѣдовали ихъ примѣру и образовали, для той же цѣли, „союзъ землепашцевъ“ („Agricultural Labourers Union“), быстро покрывшій всю страну какъ сѣтью. Нѣсколько лѣтъ протекли въ ожесточенной борьбѣ между ними и нанимателями, выказавшими упорное сопротивленіе, но, въ концѣ концовъ, рабочіе добились осуществленія своей программы. Ихъ главнымъ и неотразимымъ средствомъ было эмигрированіе изъ фабричныхъ центровъ, за море: оно подняло заработную плату на 50%. Состояніе, въ которомъ находились ихъ жилища, было до того возмутительно, что въ 1867 г. была учреждена „королевская комиссія для изслѣдованія положенія женщинъ и дѣтей въ семействахъ сельскихъ рабочихъ“. Факты, собранные ею, были ужасающі. Одинъ изъ членовъ, нынѣшній епископъ Манчестерскій, д-ръ Фрэзеръ, осмотрѣвшій 4 графства, раздѣлилъ коттеджи рабочихъ на 4 категоріи: въ 1-ю онъ включилъ „бѣдные“ коттеджи, во 2-ю—жалкіе, въ 3-ю—ужасные и, наконецъ, въ 4-ю—коттеджи, которые, по его мнѣнію, составляютъ „стыдъ для христіанского общества“.

Съ тѣхъ поръ многое измѣнилось. Богатые, и въ особенности значительнѣйшіе изъ землевладѣльцевъ, сдѣлали большія пощертованія для дѣла улучшенія положенія сельскихъ рабочихъ. Когда, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, я имѣлъ случай полюбоваться въ Уобёрнскомъ аббатствѣ образцами коттеджами,—владѣлецъ, герцогъ Бэдфордскій, сказалъ мнѣ: „мы выстроили тысячу новыхъ, но остается еще вторая тысяча“.

Темною стороною въ бытѣ сельскихъ батраковъ является невозможность для нихъ приобрѣсть, когда либо, при посредствѣ сбереженій, хотя бы клочекъ земли. Школы и образованіе ничего не сдѣлаютъ тамъ, гдѣ человѣкъ не можетъ улучшить своего положенія. Напротивъ, образованіе только гонитъ ихъ на чужбину.

Таково было положеніе этого класса 3 или 4 года назадъ. Но существованіе хорошихъ и усердныхъ рабочихъ находитъ себѣ гарантію въ самыхъ интересахъ нанимателей, фермеровъ.

Гдѣ же лежать причины этихъ стѣсненій въ сельскохозяйственной сфере Англіи? Ближайшая причина заключается въ послѣдовательномъ рядѣ—отъ 6 до 7 неурожайныхъ годовъ; и между прочимъ, неурожай 1879 года былъ такой, какого не запомнятъ съ 1816 г. Пшеницы собрано всего $5\frac{1}{2}$ миллионовъ четвертей самого дурнаго качества, тогда какъ, обыкновенно, въ среднемъ, ея урожалось 12 миллионовъ, къ которымъ Англія прикупаетъ изъ-за границы 12 другихъ миллионовъ четвертей; въ 1879—80 гг. ввезено было ея 18 миллионовъ четвертей, обошедшихся 450 миллионовъ рублей. Но расходъ этотъ не былъ чрезчуръ значителенъ, такъ какъ цѣны на пшеницу стояли не высокія, а именно по 15 рублей за 9 пудовъ; цѣна эта оказалась настолько низка, что равнялась цѣнѣ въ наиболѣе урожайные годы, и англійскимъ хозяевамъ пришлось продать свой продуктъ по самой дешевой цѣнѣ.

Послѣдствія были тяжлы; фермеры израсходовали свой оборотный капиталъ и сбереженія, а подъ конецъ, значительная часть ихъ, желая спасти хотя остатки состоянія, отказались отъ заарендованныхъ участковъ; эмиграція, въ новѣйшее время, приняла небывалые размѣры.

Эта катастрофа, разразившаяся надъ сельскохозяйственнымъ классомъ, отразилась, конечно, и на другихъ классахъ: на классѣ владѣльцевъ недвижимой собственности, ремесленниковъ, лавочниковъ, рабочихъ, закладчиковъ. Всѣ спрашивали другъ друга: откуда происходит такая дешевизна при дурномъ урожаѣ? Отвѣтъ могла дать Сѣверная Америка: оттуда пшеницы вывезено—въ 1878 г. 720 тысячъ четвертей, въ 1879 г. 1,200,000 четвертей; тамъ пространство, занятое подъ разведеніе пшеницы, съ 20 миллионовъ десятинъ въ 1863 г. увеличилось въ 1878 году до 48 миллионовъ десятинъ (т. е. въ 10 разъ больше всего пространства, отведенного подъ пшеницу въ Европѣ), а сборъ—стъ 21 миллиона четвертей на 52 миллиона, почему и стоимость упала съ 23 руб. на 13 руб. за четверть. Въ одну Англію Сѣвероамериканскіе Соединенные Штаты отпускали лучшую пшеничную муку: въ 1867 г. 85 миллионовъ, въ 1870—170 миллионовъ, въ 1879 году 350 миллионовъ пудовъ.

Размѣры настоящей статьи не даютъ возможности передать читателямъ вполнѣ подробнаго очерка о развитіи производства пшеницы въ Сѣверной Америкѣ; достаточно только будетъ сказать, что, согласно наблюденіямъ англичанъ, производство это идетъ гигантскими шагами. Равнымъ образомъ, надо отказатьсѧ и отъ предположенія о продолжительномъ повышеніи цѣнъ на пшеницу въ Америкѣ и Англіи. Но, затѣмъ, въ чёмъ можетъ найти себѣ помощь дальнѣйшее существованіе и развитіе сельского хозяйства въ Англіи?

Почти отовсюду слышится одинъ отвѣтъ: надо больше производить на одномъ и томъ же пространствѣ, надо пустить въ дѣло болѣе значительный оборотный капиталъ: засѣивать такъ, чтобы одна десятина давала 5 четвертей вмѣсто нынѣшнихъ $2\frac{1}{2}$! Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ этихъ видахъ, необходимо представить хозяину и болѣе свободы въ его дѣятельности, для

чего надо поставить его въ такое положеніе, чтобы онъ не былъ связываемъ закономъ (Landlaws) въ распоряженіи своею земельною собственностью, такъ какъ законы, своими постановленіями о продажѣ, наследственіи, залогѣ, чрезвычайно стѣсняютъ арендаторовъ и владѣльцевъ и стѣсненіе ихъ хозяйственной дѣятельности не можетъ быть устранено безъ отмены тѣхъ постановленій.

Измѣненіе законовъ о земельной собственности давно уже требовалось и требуется выдающимися вигами, какъ Брайтъ и его школа. Эта партія желаетъ достигнуть ослабленія преобладающаго вліянія земельной аристократіи, посредствомъ раздробленія земельной собственности, хладнокровно взирая на паденіе класса значительныхъ лэндлордовъ, а также и на вѣроятность связанного съ тѣмъ кризиса въ желѣзной или даже хлопчатобумажной промышленности. Долгое время стояли они совершенно изолированно съ своими принципіальными требованиями. Теперь, однако, этотъ политический вопросъ превратился въ вопросъ „желудка“, „хлѣба“.

Сказанное приводить настъ къ двумъ вопросамъ, требующимъ разрешенія, а именно: I) какое положеніе создано закономъ землевладѣнію? и II) какое вліяніе законъ оказалъ на положеніе сельскихъ хозяевъ? Въ отвѣтъ на первый приведемъ слѣдующее: Вильгельмъ Завоеватель, овладѣвъ (въ 1066 г.) Англіей, объявилъ себя и единственнымъ собственникомъ всей земли въ королевствѣ, а затѣмъ раздѣлилъ ее между своими ленниками, которые (tenants, holders), однако, не получили никакого, безусловнаго права собственности. Крупные англо-саксонскіе владѣльцы были изгнаны изъ своихъ имѣній, но мелкие, свободные крестьяне-собственники, по большей части, остались на своихъ участкахъ, образовавъ военные дружины новыхъ лордовъ. Изъ этого аграрнаго и настолько же политическаго преобразованія во владѣніи, проистекаетъ нынѣшнее право собственности на землю, право двоякое: „Fee simple“, простое ленное право, равносильное свободному владѣнію, и „Fee tail“ (taillé), условное, ограниченное въ извѣстныхъ отношеніяхъ, какъ напримѣръ, въ правѣ продажи, и изъ которого развился маюратъ, сдѣлавшійся впослѣдствіи политическимъ орудиемъ въ рукахъ вассаловъ англійской короны.

Кромѣ того, самое наследственіе обставлено двумя ограничениями: въ немъ отдается преимущество, во 1-хъ, мужской линіи, и во 2-хъ—первородству. Но, противъ „увѣковѣченія“, упроченія земельной собственности въ такомъ стѣсненномъ порядкѣ наследственія выступила, въ XVI столѣтіи, корона, посредствомъ чего явилось правило, остающееся въ силѣ и нынѣ и на основаніи котораго: „комиссионная установлена относительно земельной собственности, существующія ограничить, для многихъ послѣдующихъ владѣльцевъ, право продажи и наследственія, допускаются только въ отношеніи лицъ, находящихся еще въ живыхъ во время учрежденія этого порядка владѣнія. Такое ограничение владѣнія продолжается еще въ теченіи 21 года и для послѣдняго изъ потомковъ, т. е. маюратное условіе можетъ быть распространено на неродившагося еще сына, послѣдняго изъ поименованныхъ въ актѣ учрежденія фидесскомисса лицъ, и въ такомъ случаѣ этотъ сынъ, даже если онъ родился послѣ смерти своего отца, въ 21 годъ является полноправнымъ господиномъ имѣнія. Но этотъ законъ противъ „увѣковѣченія“ (regretties) въ практикѣ постоянно обходится, такъ какъ честолюбивые лорды стремятся, во что бы то ни стало, пріурочить имѣніе къ своему роду до скончанія вѣковъ. Въ Англіи $\frac{3}{4}$ всѣхъ недвижимыхъ имѣній обращены въ маюратъ. До 1874 года государственная земельная книга Англіи не давала истиннаго понятія о распределеніи земель между жителями, такъ какъ книга эта—Doomsday Book—составлена еще въ 1086 г. Въ 1875 г. послѣдовало новое изданіе этого важнаго документа, изъ котораго видно: Соединенное королевство заключаетъ въ себѣ приблизительно 65 миллионовъ дес. (къ нимъ надо прибавить еще $2\frac{1}{2}$ миллиона дес. лѣсовъ); все это пространство земель принадлежитъ 195 тысячамъ собственниковъ.

Высшее дворянство, состоящее приблизительно изъ 525 чел., владѣетъ 13,000,000 дес., т. е. 20% (а считая и лѣса—даже 25%), а если сюда прибавить сельское дворянство, „джентри“, то окажется, что приблизительно 7 тысячъ собственниковъ обладаютъ 11 тысячами помѣстій, изъ которыхъ въ каждомъ болѣе тысячи дес., или $\frac{4}{5}$ всего пространства. Но еще поразительнѣе цифры въ Шотландіи и Ирландіи: въ первой $\frac{1}{4}$ всей страны принадлежитъ 5-ти собственникамъ, $\frac{1}{2}$ —75-ти, во второй $\frac{1}{2}$ принадлежитъ 35-ти собственникамъ. Прочимъ 33,993,000 жителямъ Соединенного королевства остатокъ; они числятся подъ 300 тысячъ номеровъ; изъ нихъ 1 владѣлецъ приходится на 3, не имѣющихъ недвижимой собственности.

Такимъ образомъ мы видимъ, что въ Англіи все пространство обработанныхъ земель принадлежитъ 110 тысячамъ человѣкъ (въ Пруссіи— $2\frac{1}{2}$ миллионамъ человѣкъ).

Ясно, что ограниченная собственность находится въ самой себѣ преграду къ усовершенствованію. Пожизненный только владѣлецъ не станетъ затрачивать на улучшенія въ подобномъ имѣніи то, что онъ затратилъ бы въ имѣніи, составляющемъ его собственность. Въ маюратномъ владѣніи и хорошій хозяинъ, и заботливый отецъ, имѣющій нѣсколькихъ дѣтей, не бу-

деть прилагать особыхъ стараний, зная напередъ, что старшій сынъ безъ того уже получить слишкомъ много. Вотъ причина, вслѣдствіе которой землевладѣльцы мало пользовались и пользуются кредитомъ, предоставленнымъ имъ учрежденными около 30 лѣтъ назадъ, обществами для улучшенія земель, ссужающими, подъ обезпеченіе имѣній, капиталы для дренажа и т. п. способы усовершенствованія въ сельскомъ хозяйствѣ. За ссуды взимается $7\frac{1}{2}\%$, такъ какъ заемъ погашается въ 25 лѣтъ. Въ теченіе 30 лѣтъ эти общества помѣстили не болѣе 70 миллионовъ рублей.

Закладныя въ Англіи неизвѣстны, но онъ, а равно и кредитные учрежденія войдутъ въ обыкновеніе и разовьются только при прочномъ установлѣніи ипотечной системы. Всѣ авторитетныя мнѣнія сходятся единогласно на томъ, что при усовершенствованіяхъ Англія можетъ удвоить свое производство.

Дурной хозяинъ имѣеть полную возможность разстроить свое хозяйство, не взирая и на ограниченія, о которыхъ говорено. Онъ передаетъ свое право пожизненнаго пользованія заимодавцамъ, а эти, въ теченіе его жизни, высасываютъ изъ имѣнія, что могутъ, для удовлетворенія себѣ,—львеніе, весьма часто повторяющееся въ Англіи. Бываетъ также, что новый пожизненный владѣлецъ наслѣдуетъ имѣніе, уже обремененное обязательствами. Согласно лучшимъ, достовѣрѣйшимъ источникамъ, въ Англіи поземельная собственность покрыта долгами на половину своей прежней стоимости.

Строгія ограниченія наследственности, какъ вообще признается, вредно отзываются и на самомъ старшемъ сыне. Съ самого своего дѣтства онъ знаетъ, что его ждетъ блестящее будущее, съ которымъ не можетъ идти въ сравненіе будущность его братьевъ и сестеръ. А это лишаетъ отцовскую власть самаго существеннаго воспитательного средства. Старшій сынъ,

по своему рожденію, стоить слишкомъ въ независимомъ положеніи. Онъ входитъ въ безумные долги, вписывая въ свои векселя слова: „post obits“, т. е. назначая имъ платежное время post obitum, послѣ смерти лица, отъ которого къ нему перейдетъ пожизненное владѣніе. „Старшій сынъ“—замѣчаетъ одинъ англійскій писатель — принадлежитъ участь къ числу домашнихъ, фамильныхъ кумировъ и нынѣшніе владѣтели земли болѣе уже не вассалы короны, а вассалы своихъ внуковъ“.

Реформа англійскихъ законовъ о поземельной собственности несомнѣнно уже очень близка. Радикальная партія стремится къ коренному преобразованію порядка землевладѣнія, съ упраздненіемъ аристократического принципа—посредствомъ уничтоженія маюранта. Но—общественное мнѣніе далеко еще не готово къ подобному преобразованію.

Болѣе умѣренные, болѣе практическіе сторонники преобразованія полагаютъ необходимымъ допустить разрѣшеніе продажи всѣхъ или части маюрантскихъ имѣній, обремененныхъ долгами, для того, чтобы они перешли въ руки солидныхъ капиталистовъ. Согласно ихъ мнѣнію, вся страна заинтересована въ положеніи сельского хозяйства, и „земля“ имѣеть общегосударственное значеніе, а потому не слѣдуетъ искусственно удерживать ее въ неумѣлыхъ рукахъ. Прочно организованный и покрывающій въ настоящее время всю Англію и Шотландію „союзъ сельскихъ хозяевъ“ требуетъ свободы хозяйственной дѣятельности, опредѣленія арендной платы чрезъ посредниковъ, предоставленія арендаторамъ права отдавать, въ свою очередь, въ аренду взятые ими участки и т. д. Во всякомъ случаѣ предстоитъ ожесточенная борьба, такъ какъ лэндлорды, исконніе владѣтели земли, твердо стоять на своемъ желаніи не превращаться въ „пенсіонеровъ своихъ фермеровъ“ и не допускать выкупа своихъ имѣній при посредствѣ государства.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ.

Англія и Афганістанъ.—Турція.—Франція.—Манифестъ Принца Наполеона.—Легитимистская армія и генералъ Шареттъ.—Германія.

Англичане продолжаютъ заботиться и страшиться за свою индійскую границу и отъ времени до времени ихъ министрамъ приходится успокоивать встревоженное патріотическое чувство своихъ соотечественниковъ. Нельзя-же — Россія все ближе и ближе придвигается къ авантюрамъ, оберегающимъ доступъ къ англо-индійской имперіи! Недавно лордъ Гартингтонъ произнесъ въ Даруэнѣ рѣчи, въ которой увѣрялъ, что афганскій эмиръ питаетъ къ Англіи гораздо болѣе довѣрія, чѣмъ къ Россіи. Страхъ въ этомъ отношеніи былъ, вѣроятно, также не малъ; такъ, кажется, были тайныя пополновенія сдѣлать и эмира вассаломъ, но повидимому испугъ прошелъ, потому что благородный лордъ, въ той-же рѣчи, не находить необходимымъ подчиненіе афганскаго народа. Что касается Египта, то, по увѣренію министра, Англія не желаетъ присоединить его и рѣшилась покинуть эту страну какъ только тамъ установится правильное и прочное управление. Вопросъ въ томъ—когда именно англичанамъ будетъ угодно, чтобы такое управление тамъ установилось. По отношенію къ Ирландіи лордъ Гартингтонъ, переѣхавъ въ Ланкашайръ, утверждалъ, будто дѣла въ этой части королевства поправляются. Странно слышать такія увѣренія въ то самое время, когда слушающійся въ Дублинѣ процессъ обѣ 21 арестантъ раскрываетъ страшное могущество феніанской организации; такъ между прочимъ обнаруживается, что Дублинъ разделенъ на участки, во главѣ которыхъ находились нѣкоторые изъ подсудимыхъ, занимавшихъ различныя должности въ братствѣ и подчинявшихся одному общему начальнику; всѣ члены обязаны клятвою повиноваться начальникамъ, какъ повинуются солдаты; каждый изъ нихъ вносилъ въ братство ежегодно по три пенса на покупку ружей и револьверовъ; особый кружокъ былъ составленъ изъ людей, употреблявшихся для совершенія убийствъ, которымъ подпадали правительственные агенты: составленъ былъ уже заговоръ съ цѣлью убить г. Форстера—въ этихъ видахъ въ разныхъ пунктахъ были поставлены агенты, но цѣль не была достигнута, по однимъ показаніямъ отъ того, что пропустили экипажъ Форстера, а по другимъ—отъ того, что остался незамѣченнымъ поданный сигналъ, т. е. взмахъ платка; вмѣстѣ съ тѣмъ выяснилось существование связи феніевъ съ убієніемъ Кэвендіша и Борка. Открытие заговора произвело сильнѣйшее впечатлѣніе, которое едва-ли смягчится подъ вліяніемъ словъ Гартингтона.

Англійское правительство увѣдомило Порту, что конференція по дунайскому вопросу собирается въ Лондонѣ 5-го февраля. Скажемъ, кстати, что въ Турціи новый великий визирь, это—бывшій турецкій посланникъ въ Вѣнѣ, Эдхемъ-Паша, будетъ ли онъ относиться къ египетскому вопросу съ такимъ-же усердіемъ, съ какимъ готовился было отнести его предшественникъ, который, говорять, намѣревался передать вопросъ объ Египтѣ, о верховныхъ правахъ султана на разсмотрѣніе европейскаго конгресса?

Пока активное (болѣе или менѣе) неудовольствіе въ этомъ вопросѣ начинаетъ выказывать только Франція: она обратилась съ протестомъ противъ упраздненія контроля. Едва-ли что ни-

будь изъ этого выйтъ. Да и впрочемъ, въ эту минуту внимание французскаго правительства отвлечено въ другую сторону, а именно къ положенію внутреннихъ дѣлъ въ странѣ. Недавно мы говорили объ усиленіи монархическихъ партій и теперь слова наши подтверждаются яркими признаками.

На днѣхъ принцъ Наполеонъ издалъ манифестъ (который былъ расклеенъ на улицахъ въ Парижѣ, въ количествѣ 15 т. экземпляровъ) чего, конечно, прежде не рѣшился бы сдѣлать. Въ этомъ манифестѣ онъ, между прочимъ, говорить, что исполнительная власть слаба, неспособна, беспомощна, парламентъ не имѣеть ни направлений, ни воли и раздробился до безконечности, возбуждая только постоянные кризисы, распространяющіеся и на главу государства, и на министровъ, и на палаты; что зло гнѣздится въ конституціи, предоставляемой страну въ полное распоряженіе 800 сенаторовъ и депутатовъ; что армія передана не свѣдущимъ людямъ, администрація дискредитирована, финансы расточаются, налоги тягостны и плохо распределены, расходы выростаютъ безъ причины, въ бюджетѣ не существуетъ равновѣсія, религія подвергается нападеніямъ со стороны атеизма, превратившагося въ гонителя, никакимъ покровительствомъ не пользуется, общественные вопросы пренебрегаются, иностранная политика или служить частнымъ спекуляціямъ—какъ въ Тунисѣ, или трусливо и недѣло—какъ въ Египтѣ, и Франція, во время оно столь великая, не имѣть ни друзей, ни обаянія: опять надъ парламентарной республикой, продолжавшійся двѣнадцать лѣтъ, произведенъ окончательно и оказывается неудачнымъ. Въ заключеніе принцъ Наполеонъ предлагаетъ націи возстановить въ лицѣ его, преемника Наполеона I и Наполеона III, власть Бонапартовъ. Какъ и слѣдовало ожидать, манифестъ всполошилъ правительство и палату. Принцъ Наполеонъ немедленно-же былъ арестованъ въ Консьержери и по слухамъ будетъ преданъ верховному суду, который составится изъ сенаторовъ. Принцъ Амедей уже написалъ принцу Наполеону, предлагая ему гостепріимство въ Миланѣ въ случаѣ высылки, но принцъ имѣеть намѣреніе уѣхать въ Лондонъ. Другой признакъ не менѣе значителенъ: почти одновременно открыть заговоръ такъ называемый теперь „католической лига“ заговоръ этотъ—легитимистскій; оказывается, что лига эта, обладающая капиталомъ въ 15,000,000 франковъ, успѣла уже организовать, въ различныхъ пунктахъ Франціи, тридцать два легіона, по тысячи человѣкъ въ каждомъ, подъ общимъ начальствомъ извѣстнаго генерала Шаретта. Въ палатѣ нѣкоторые изъ республиканскихъ депутатовъ внесли предложеніе о высылкѣ изъ Франціи членовъ всѣхъ бывшихъ царствующихъ фамилій, т. е. принцевъ бурбонской линіи, орлеанской и Бонапарте. Несомнѣнно, что перепуганное республиканское правительство поддержитъ эти предложения и такою огульною высылкою сослужить хорошую службу усилившемуся вліянію монархическихъ партій. Мы уже предвидимъ—скажемъ еще разъ—возникновеніе монархіи, которой сочувствуетъ добрая часть французской націи. Только что получено извѣстіе о паденіи кабинета Дюклерка.

Въ Берлинѣ на днѣхъ скончался братъ Императора Вильгельма, принцъ Карлъ, отецъ знаменитаго принца Фридриха-Карла, столь отличавшагося во время франко-пруссской войны.

СМЪСЬ.

Объ Александровскомъ комитетѣ призрѣнія раненыхъ. Основаніе инвалиднаго фонда положено въ 1813 г. издателемъ „Русскаго Инвалида“ Павломъ Павловичемъ Помѣянъ-Пезаровицомъ пожертвованіемъ 395000 руб. Дальнѣйшему приращенію капитала способствовали патріотическіе вклады многихъ лицъ. Значительныя суммы были пожертвованы: коллежскимъ совѣтникомъ Яковлевымъ 1.000.000 р., графомъ Румянцевымъ—350000, генераломъ отъ инфантіи Лассія—237000, графиней Браницкой—200000, графомъ Шереметевымъ—150000, княземъ Голицынымъ и его женою—127000, статскимъ совѣтникомъ Яковлевымъ, поручикомъ Пашковымъ и тайнымъ совѣтникомъ Демидовымъ по 100000 р. каждымъ, графиней Безбородко, дворянствомъ костромской губерніи, статскимъ совѣтникомъ Полторацкимъ, ротмистромъ Володимировымъ, генераль-лейтенантомъ Балкъ, братьями Рахмановыми и московскимъ и петербургскимъ купечествомъ—по 50,000 и жителями Новгородской губерніи 40427 рублей. Отъ 22 лицъ, жертвовавшихъ отъ 1000 до 34000 руб., составилась сумма въ 263100 р. Небольшія пожертвованія отъ 1814 до 1880 года принесли 1.122,000 р. Послѣднія 25 лѣтъ не принесли инвалидному капиталу большихъ суммъ, и со времени войны 1877—1878 г. поступило только 155,000 руб. При этомъ изъ числа раненыхъ и семей убитыхъ въ этой войнѣ 11533 лица взяты подъ покровительство комитета; если принять въ соображеніе контингентъ жертвъ этого похода (89382 человѣка), то число призрѣваемыхъ будетъ постоянно увеличиваться и потребуетъ большихъ затратъ, по крайней мѣрѣ въ теченіи 20—25 лѣтъ, что известно комитету изъ его 68-лѣтнаго опыта. На 1883 годъ доходы комитета предположены въ 2.711,759 и расходы въ 2,676,290 руб. Такимъ образомъ ожидается излишекъ въ 35,169 р., но на излишокъ въ 1884 г. нѣть никакой надежды, такъ какъ теперь въ комитетѣ лежитъ 765 прошеній, на удовлетвореніе которыхъ ежегодно потребуется 55000 р. Хотя министерство финансовъ выразило снова согласіе поддержать инвалидный фондъ, тѣмъ не менѣе Александровскій комитетъ считаетъ долгомъ напомнить всѣмъ, сочувствующимъ цѣлямъ комитета: „быть повѣреннымъ бѣдныхъ, раненыхъ воиновъ и ихъ осиротѣлыхъ семействъ передъ Государемъ и заботиться обѣихъ вспомоществованій“ (приказъ Императора Александра I отъ 18 августа 1814 г.), что комитету предоставлено право принимать пожертвованія. При этомъ комитетъ просить не забывать, что какъ бы ни были малы единичныя пожертвованія, въ соединеніи съ многими другими подобными вкладами они имѣютъ громадное значеніе, будутъ приняты съ благодарностью, употреблены на предназначеннуя цѣль, и что 43578 лицъ, находящихся теперь на попеченіи комитета, а также и тѣ, которыя будутъ впослѣдствіи получать помощь, будутъ за это благодарны.

Всѣ редакціи Имперіи безъ исключенія соблаговолятъ перепечатать это возваніе.

Размноженіе особей. Сама природа озабочилась, чтобы растенія и животныя возможно сильно размножались. Каждая особь стремится оставить наиболѣшее потомство, будь это при помощи сѣменъ или яичекъ, будь это особенной заботливостью и уходомъ за малютками. Эта природная заботливость необходима потому, что вслѣдствіе различныхъ преслѣдованій, болѣзней и другихъ неблагопріятныхъ условій, только незначительная часть потомства становится способной на продолженіе рода. Но если бы даже впродолженіи одного поколѣнія развились всѣ сѣмена и яички, то всей земли не хватило бы для вмѣщенія всего животнаго и растительнаго міра. Эренбергъ говоритъ, что инфузоріи впродолженіи одного дня размножаются більонами. Одна травяная тля въ пятомъ поколѣніи даетъ 5000 мілліоновъ гусеницъ. Въ годъ же развивается по меньшей мѣрѣ пятьдесятъ поколѣній, такъ что еслибы тля не уничтожалась хотя бы только одинъ годъ, то земля насыту бы вмѣстила все поколѣніе. Самка термита кладетъ въ день 80000 яицъ. Потомство сосновой осы, самка которой ежегодно кладетъ только 100 яицъ, если бы ни одно изъ нихъ не пропадало, разрослось бы въ 10 лѣтъ до 200000 більоновъ гусеницъ и для ихъ прокормленія не хватило бы всѣхъ сосновыхъ лѣсовъ Германіи. Мясная муха можетъ положить 20000 личинокъ, которая, при достаточномъ питаніи, въ однѣ сутки увеличивается вѣсомъ въ 200 разъ. Поэтому то Линней сказалъ обѣихъ, что онѣ такъ же быстро, какъ левъ, могутъ сѣсть вола. Размноженіе саранчи такъ быстро, что въ короткое время она можетъ уничтожить растительность всѣхъ странъ. Въ 1828 году саранча посѣтила Галицію, она шла сплошною массою отъ семи до восьми миль ширины въ продолженіи семи часовъ и буквально затмнила воздухъ. По сообщенію Гартвига, въ небольшой макрели найдено 546000, въ осетрѣ 6 мілліоновъ и въ трескѣ $9\frac{1}{2}$ мілліоновъ икринокъ. По словамъ Пенанта, пара кроликовъ въ четыре года образуетъ потомство въ 1274840 штукъ. Одна пара мышей въ одинъ годъ производить 23000 потомковъ, и въ два года размножается до 200 мілліоновъ. При этомъ можно однако замѣтить, что цифры эти существуютъ только на бумагѣ, но кто хотя разъ видѣлъ мышиное нашествіе, тотъ не будетъ сомнѣваться въ вѣрности вычисленія. Животныя, родящія въ годъ только по одному дѣтенышу, при благопріятныхъ условіяхъ, могутъ умножаться въ мѣрѣ превосходящей всѣ вычисленія. Ни одно животное не множится такъ медленно какъ слонъ, тѣмъ не менѣе потомство одной пары въ 500 лѣтъ, можетъ достичь 15 мілліоновъ штукъ. Въ 1773 году въ Ирландію было завезено 3 оленя и уже черезъ 40 лѣтъ

они ходили стадами отъ 40 до 100 штукъ. Черный рогатый скотъ, привезенный Колумбомъ въ 1494 г. въ Сан-Домінго, въ теченіи 27 лѣтъ увеличился до 8000 штукъ, и Акоста сообщаетъ, что въ 1585 г. было вывезено въ Испанію 35444 штуки кожъ изъ Испаніи и 64250 шт. изъ Новой Испаніи. Тотъ же Акоста пишетъ спустя сто лѣтъ послѣ открытия Америки, что въ Новой Испаніи есть люди, имѣющіе по 70000 и 100000 штукъ овецъ, между тѣмъ овца впервые была вывезена изъ Испаніи. Ацара сообщаетъ, что въ его время въ Буэносъ-Айресѣ было 12 мілліоновъ рогатаго скота и 3 мілліона лошадей. Гумбольдтъ считалъ лошадей пампасовъ Буэносъ-Айреса въ 6 мілліоновъ и скотъ въ 12 мілліоновъ головъ. Дюпонъ высчиталъ, что между Ориноко и Макараискимъ озеромъ находится 1.200000 шт. скота и болѣе 180000 лошадей, а Доро утверждаетъ, что теперь въ пампасахъ Южной Америки бродить около 30 мілліоновъ скота. Если принять въ соображеніе, что скотъ и лошади завезены въ Америку только въ концѣ 15 или въ началѣ 16 столѣтія, и что они уничтожались не только людьми, но животными и многими наводненіями, то не нужно лучшаго доказательства тому, что животныя, родящія по одному дѣтенышу въ годъ, размножаются неимовѣрно быстро.

Зеркальный телеграфъ. Въ недавнюю египетскую компанію былъ произведенъ интересный опытъ геліографіи или подачи сигналовъ посредствомъ солнечнаго свѣта. Полковникъ Кейзеръ поднялся на одну изъ пирамидъ, находящихся близъ Каира, и при помощи геліографического зеркала отразилъ солнечный лучъ по направлению къ Александрии на 120 миль. И вотъ, на этомъ огромномъ разстояніи, сигналы, явившіеся въ видѣ блестящихъ остріевъ иголки, были легко приняты какъ-бы за депешу отъ сэра Гарнета Уольслей хедиву.

Обѣдъ во внутренности статуи. Недавно Бартольди, создавшій проектъ колоссальной статуи „Свободы, освѣщающей міръ“, которая должна быть воздвигнута близъ Нью-Йорка въ память войны за освобожденіе американской республики, задумалъ угостить своихъ друзей во внутренности своего созданія. Столъ былъ накрытъ въ нижнихъ складкахъ драпировки фигуры. Здѣсь устроили широкую платформу, на которой могла совершенно просторно и безопасно помѣститься угождаемая публика. Внутренность статуи заключаетъ въ себѣ желѣзную лѣстницу, къ которой и прикреплены вѣнѣнія ея части, состоящія изъ бронзовыхъ листовъ. Эти листы соединены между собою заклепками, совершенно незамѣтными съ вѣнѣній стороны. Вышина фигуры отъ головы до основанія будетъ составлять почти 110 футовъ, а отъ верхней части свѣточка, который статуя держитъ въ правой руцѣ,—140 футовъ.

Регулированіе сновидѣній. Французскій ученый Делонѣ уѣдился опытами надъ самимъ собою, что характеръ сновидѣній прямо зависитъ отъ дѣйствія тепла на различныя части мозга. Такъ, покрывая свой лобъ слоемъ ваты, онъ вызывалъ сонъ покойный и правильный. Примѣняя такого рода обкладыванія, способствующія пріливу крови къ различнымъ областямъ мозга и увеличивающія такимъ образомъ ихъ питаніе и функционную дѣятельность, онъ замѣтилъ, что отъ согреванія ватой задней части головы получались сны въ высшей степени странные, нелѣпые и чувственныя; отъ согреванія лѣвой сны дѣлались фантастическими и въ нихъ отражались старыя давно забытыя события и образы; отъ вліянія же тепла на правую сторону головы сны становились болѣе спокойными и разумными и въ нихъ представлялись картины недавняго прошлаго.

Историческіе дубы въ Англіи. Между древними дубами Англіи, особенно замѣчательнѣй одинъ патріархъ растительного царства, до сихъ поръ возвышающей свою зеленую голову близъ Шеффелсбюри, на берегу Северне, гдѣ въ старину росли громадные лѣса, по которымъ и вся мѣстность получила саксонское название Schobbesburg. Этотъ дубъ еще во времена саксонскаго владычества былъ извѣстенъ подъ именемъ дуба Христа и имѣлъ тогда около 30 футовъ въ окружности. Теперь на его полуразрушенномъ стволѣ уцѣлѣло еще пятнадцать сучковъ покрытыхъ зеленью. Молодой дубокъ теперь ростетъ изъ средины его дупла. Но кроме этого древнійшаго представителя англійскихъ лѣсовъ, здѣсь сохранилось еще много другихъ дубовъ, имѣющихъ историческое значеніе. Особенно ими богать лѣсь въ Виндзорѣ и Шервудѣ. Большой дубъ въ Норфоркѣ уже во времена Вильгельма Завоевателя носилъ название „Старого дуба“ и, какъ предполагаютъ, онъ теперь достигъ 1500 лѣтнаго возраста. Такъ называемый королевскій дубъ въ Виндзорѣ, также существуетъ болѣе 1000 лѣтъ.

Погребальное дерево въ Новой Зеландіи. Недавно свалилось громадное, древнее дерево въ Новой Зеландіи, неподалеку отъ Опотаки, и при этомъ открылось, что вся его внутренность, отъ корней до начала вѣтвей, т. е. на разстояніи сорока пяти футовъ отъ земли, была наполнена человѣческими тѣлами. Съ паденiemъ дерева разсыпалась въ беспорядкѣ и куча скелетовъ. Нѣкоторые изъ нихъ сохранились въ цѣлости, другіе-же представляютъ хаотическую массу головъ, рукъ и ногъ. Всѣ нынѣшніе обитатели Новой Зеландіи—маорисы, совершенно не знали о существованіи на островѣ этого дерева мертвецовъ и единогласно утверждаютъ, что такой родъ погребенія не только неизвѣстенъ имъ, но даже ихъ отцамъ и дѣдамъ. Впрочемъ и самая дряхлая вѣнѣнія упавшаго дерева подтверждаютъ показанія маорисовъ, что прошло много столѣтій, съ тѣмъ поръ, когда оно служило мѣстомъ погребенія новозеландскихъ мертвецовъ.

Зубы и мудрости и глухота. Один американский доктор приводит несколько случаев глухоты, произошедшей, по его мнению, от позднего или неправильного появления зубов мудрости. Это свое убеждение он основывает во первых, на связи, существующей между зубами и ушами, благодаря которой прорезывание зубов у детей иногда болезненно отражается на последних органах; во вторых, на нескольких подмеченных им случаях совпадения глухоты с появлением последних зубов.

Врачебная история домовъ. Известно, что семьи, часто меняющие квартиры, редко подвергаются различным заболеваниям, единственное вследствие дурных санитарных условий нанимаемых ими помещений. Во многих случаях, наконец, дома приносят меньший доход по причине плохих водосточных труб, сырых погребов, нездоровых окрестностей и, наконец, потому что в них жили прежде лица, одержимые заразительными болезнями. Но не возможно ли было бы для санитарных властей городов доводить до всеобщего свидетельства список домов, в которых были случаи заразительных болезней или которые вообще представляют то или иное вредное для здоровья условие? Это было бы в высшей степени полезно. Часто тщательное изследование каких-нибудь нижних помещений и погребов бывает гораздо важнее обзора залов и верхних этажей. И однако, какъ рѣдко это дѣлается и, наоборот, какъ часто страдаютъ отъ этого жильцы. Между тѣмъ, если бы была принята вышеупомянутая мѣра, то сами домохозяева, въ собственныхъ интересахъ, стали бы заботиться о лучшемъ санитарномъ положеніи своихъ жилыхъ помещений. Такой проектъ предлагаѣтъ авторъ статьи одного англійского журнала.

Изъ дневника знатной англійской дамы 15 столѣтія. Слѣдующій отрывокъ изъ дневника леди Елизабеты Будвиль знакомить съ образомъ жизни дочерей знатѣйшихъ семействъ того времени, такъ какъ за немногими исключеніями, вѣроятно всѣ молодые дамы знатныхъ землевладѣльцевъ вели одинаковый образъ жизни. Елизавета принадлежала къ знатѣйшей фамиліи Англіи, мать ея въ первомъ бракѣ была женой Герцога Бедфорда. Сама она была замужемъ за горячо любимымъ ею человѣкомъ, Джономъ Грейемъ, который умеръ въ битвѣ при Ст. Альбанѣ. Послѣ этой тяжелой утраты она удалилась въ свое помѣстье въ Нортгемптоншире. Тутъ ее увидѣлъ король Эдуардъ IV (царствовалъ онъ 1461 до 1483) влюбился въ молодую прекрасную вдову и женился на ней. Слѣдующія замѣтки сдѣланы въ то время, когда леди Елизавета была еще девушкой. „Понедѣльникъ утромъ. Я встала въ 4 часа утра и помогала Катеринѣ доить коровъ. Рашель, другая служанка, обожгла себѣ страшно руку и я приготовила ей пластырь. Робину я дала пени, чтобы купить чего нибудь въ аптекѣ. Шесть часовъ. Я пашла, что говядина слишкомъ выварена и пиво невкусно. Примѣчаніе. Повару нужно сдѣлать выговоръ за небрежность, что же касается пива, то придется начать другую бочку. Семь часовъ. Я помогала матери обдѣлять пищай 25 человѣкъ. Роджеръ получилъ хороший выговоръ за то, что сердился, когда ему пришлось унести остатки говядины. Восемь часовъ. Съ Магдой, моей служанкой, я пошла на дворъ, находящійся за замкомъ, поймала тамъ Тумба, нашего молодаго клеппера и проѣхалась на немъ 5 или 6 миль безъ сѣда и уздечки. Девять часовъ. Накрываютъ на столъ. Джонъ Грей красивый молодой человѣкъ, но что же изъ этого. Хорошая дочь должна дѣлать то, что нравится ея родителямъ. Джонъ ѳль мало. Онъ сказалъ, что самая красивая девушка ему не можетъ нравиться, если она не скромна и не добра. Мне кажется, что характеръ мой не совсѣмъ уже дурной. Никто еще на меня не можетъ пожаловаться, развѣ только Роджеръ, но за то изъ всѣхъ нашихъ людей, онъ самый лѣнивый. Джонъ Грей любить бѣлые зубы. Мои зубы довольно хороши, а волосы у меня черные какъ смоль. Я говорю это безъ всякой мысли, впрочемъ не ошибаюсь, такъ какъ Джонъ говоритъ тоже самое. Одиннадцать часовъ. Обѣдъ кончился. Все общество рѣшило идти гулять въ поле. Джонъ помогалъ мнѣ перебираться черезъ изгороди и два раза крѣпко пожалъ руку. Не могу сказать, чтобы онъ мнѣ не нравился, въ разныхъ упражненіяхъ онъ также ловокъ, какъ и многіе знатные люди; его уваженіе къ отцу и матери безгранично и онъ не пропускаетъ ни одной воскресной мессы. Три часа послѣ обѣда. Домъ бѣднаго фермера Робинсона загорѣлся. Джонъ Грей тотчасъ помогъ несчастному; онъ ему далъ не менѣе 4 фунт. стерлинговъ. Примѣчаніе. Никогда я не видѣла Джона такимъ ласковымъ какъ въ этотъ разъ. Въ четыре часа я присутствовала при молитвѣ, въ шесть вѣдѣла покорить свиней и курь. Въ семь часовъ сѣли ужинать; по случаю несчастія съ бѣднымъ Робинсономъ въ этотъ разъ позже противъ обыкновенія. Примѣчаніе. Паштетъ изъ гуси былъ пережаренъ, а свиное жаркое походило на уголь. Девять часовъ. Все общество крѣпко спитъ. Мне было немного скучно. Я снова начала свою молитву, такъ какъ мысль о Джонѣ Грей помѣщала мнѣ дочитать ее. Я уснула и мнѣ снился Джонъ Грей.

Кумысъ и кобылье молоко у киргизовъ. Киргизы, Башкиры, Калмыки и Ногайцы, живущіе, главнымъ образомъ, въ Азиатскихъ степяхъ и отчасти на югѣ Россіи, исключительно занимаются разведеніемъ лошадей, рогатого скота, барановъ и верблюдовъ. Изъ всѣхъ же четвероногихъ животныхъ, самымъ драгоценнымъ для ихъ благосостоянія и необходимымъ для домашнаго обихода считается лошадь, такъ что безъ всякаго преувеличенія можно сказать, что это животное для Киргизовъ—тоже, что олень для Лапландцевъ, Эскимосовъ Самоедовъ и другихъ сѣверныхъ народовъ.

Туземные жеребцы отличаются своею красотой, силой, замѣчательной выносливостью и исключительно служить для ъзды и перевозки тяжестей, такъ какъ не въ обычай населенія употреблять для этой цѣли кобыль. Поэтому истый туземецъ, верхомъ на кобыль такъ же немыслимъ тамъ, какъ невозможенъ у насъ щеголеватый всадникъ верхомъ на коровѣ. За то кобылы, пользующіяся лучшимъ кормомъ и самымъ внимательнымъ уходомъ, своимъ молокомъ вполнѣ замѣняютъ коровѣ. Ихъ доятъ отъ 4 до 8 разъ въ день и получаютъ каждый разъ отъ 0,60 до 2,25 литровъ молока, которое очень богато сахаристыми веществами. Обязанность доенія исполняется исключительно женщинами. Жеребенка только на ночь оставляютъ при матери, днемъ же его держать отдельно и только во время доенія приводятъ къ кобыль, такъ какъ безъ жеребенка она совсѣмъ не даетъ молока. Туземцамъ отлично известно сколько пользы можно извлечь изъ этихъ животныхъ, которая поэтому и пользуются въ изобилии пищей, питьемъ и содержатся въ безукоризненной чистотѣ (известно, что неопрятное содержаніе имѣеть вліяніе на качество и количество молока). Химическое измѣненіе, которому подвергается молоко во время своего обращенія въ кумысъ, стоитъ въ томъ, что его сахаристыя вещества въ одно и тоже время подвергаются винному и молочному броженію. Поэтому главная задача у нихъ при приготовленіи кумыса заключается въ томъ, чтобы усилить винное броженіе въ ущербъ молочному. Этого легко они достигаютъ, какъ благодаря своему умѣнию вообще приготовлять кумысъ, такъ прибѣгая иногда для этой цѣли къ искусственнымъ средствамъ. Есть три сорта кумыса: слабый, средний и крѣпкій.

Слабымъ называется кумысъ, который подвергался броженію не больше какъ въ теченіи сутокъ; онъ имѣеть молочный видъ и своимъ сладкимъ вкусомъ, почти безъ кислоты, нѣсколько напоминаетъ напитокъ „сидръ.“

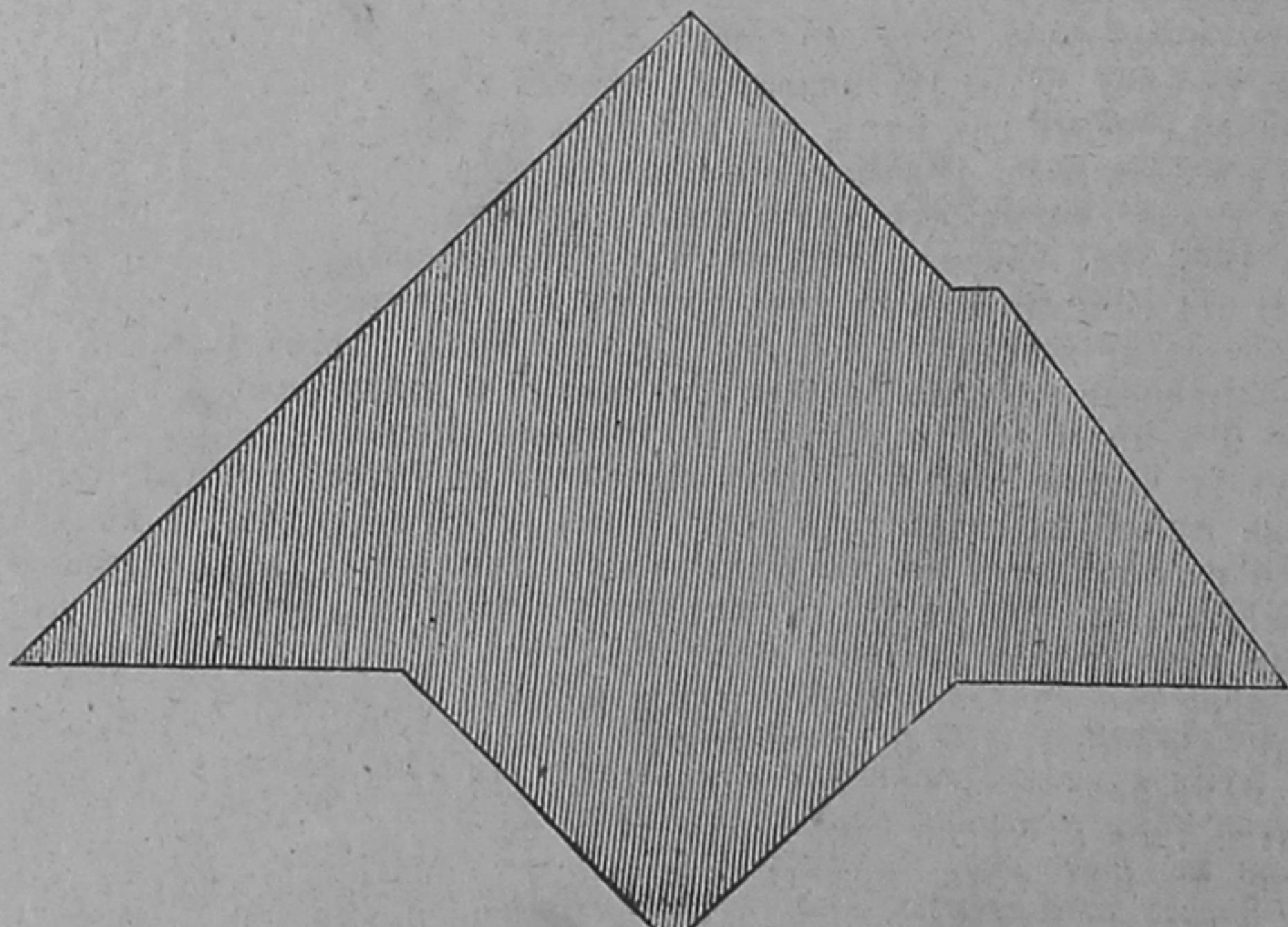
Крѣпкимъ называется кумысъ, который бродить не менѣе трехъ дней; онъ совершенно теряетъ свои молочные свойства, дѣлается острѣмъ, кислымъ на вкусъ и пѣнистымъ (если его держать въ плотно закупоренныхъ кувшинахъ). Онъ такъ много содержитъ въ себѣ газу, что легко можетъ разорвать обыкновенную бутылку отъ шампанского и вылитый въ стаканъ наполняетъ его до $\frac{3}{4}$ пѣни.

Среднимъ называется кумысъ, дающій самое лучшее понятіе о томъ, что такое вообще перебродившее молоко. Это, такъ сказать, типъ настоящаго кумыса и самый распространенный напитокъ у мѣстныхъ кочевыхъ народовъ.

Такимъ образомъ Киргизы давно узнали опьяняющее дѣйствіе такого напитка на человѣка. Но кроме своего опьяняющаго дѣйствія кумысъ еще обладаетъ другимъ повидимому цѣлебнымъ свойствомъ, лучшимъ доказательствомъ чего служать сами туземцы. Стоитъ только обратить вниманіе, какъ блѣдный и исхудалый киргизъ въ самый короткій срокъ, отъ употребленія кумыса, поправляется, полноѣтъ и получаетъ здоровый цветъ лица. Такое свойство кумыса и дало впервые путешественникамъ-врачамъ счастливую мысль прописывать его лицамъ, выздоравливающимъ послѣ тяжкихъ и изнурительныхъ болезней. Одинъ англійскій докторъ, по фамиліи Гаррикъ, который долгое время занимался изученіемъ вопроса, дѣйствительно ли полезенъ кумысъ при лечении чахотки—и такъ увлекся этимъ средствомъ, что сталъ рекомендовать безъ разбора всѣмъ своимъ пациентамъ, страдающимъ легочными болезнями, совершивъ, какъ онъ выражался, „un petit voyage“ въ Азиатскія степи, какъ будто бы дѣло шло о какой-нибудь маленькой экспедиціи и для каждого незатруднительно въ матеріальномъ отношеніи.

Геометрическая задача № 7.

Раздѣлить данную фигуру шестью прямыми линіями на такія семь частей, чтобы изъ нихъ можно было составить очертаніе писагоровой теоремы.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1883 годъ.

Для помѣщенія въ „Нивѣ“ въ настоящемъ 1883 году, кромѣ массы художественно исполненныхъ гравюръ и литературныхъ произведеній, между прочимъ, имѣется НОВАЯ ПОВѢСТЬ

ИВАНА СЕРГѢЕВИЧА ТУРГЕНЕВА

которую онъ, согласно его письму отъ 24 сентября (6 октября) 1882 года изъ Буживала (близъ Шарика), надѣется доставить въ редакцію НЫНѢШНЕЮ ЗИМОЮ. Кромѣ того мы обѣщаемъ нашимъ подписчикамъ (на основаніи условія съ авторомъ) напечатать въ „Нивѣ“ новый исторический романъ

Всеволода Сергеевича Соловьевы „СТАРЫЙ ДОМЪ“

(хроника четырехъ поколѣній).

Романъ этотъ составляетъ продолженіе романа „СЕРГѢЙ ГОРБАТОВЪ“ и „ВОЛЬТЕРЬЯНЕЦЪ“ и дѣйствіе его проходитъ въ послѣдніе годы царствованія Имп. Александра I.

Мы имѣемъ цѣлый рядъ капитальныхъ литературныхъ произведеній, изъ которыхъ пока, кромѣ уже помѣщенныхъ въ первыхъ №№ произведеній Д. В. Григоровича, Ахшарумова и Вс. С. Соловьева, поименуемъ слѣдующія: „ВЪ ЦВѢТАХЪ“, большая повѣсть Н. К. Лебедева; „БАГРОВАЯ ПЫЛЬ“, большая повѣсть П. Петрова, автора имѣвшей въ 1881 году такой успѣхъ повѣсти „Горные Орлы“; историческая повѣсть „ПОЛКОВНИКЪ ИЗЪ ЗОЛОТОНОШИ“, Н. Кирилова; „НА МОРСКОМЪ БЕРЕГУ“ и „ВЕСЕННЯЯ СКАЗКА“, двѣ повѣсти П. П. Гнѣдича и многія другія. Какъ ПРЕМИЮ на будущій 1883 годъ, мы выдадимъ всѣмъ годовымъ подписчикамъ безъ исключенія и когда бы они ни представили свои подписки — (кромѣ большаго стѣнного календаря на 1883 годъ, уже полученнаго нашими подписчиками при № 1), очень большую, роскошную олеографію съ новой исторической картины блестящего талантливаго профессора В. И. ЯКОБІЯ

КОРОЛЬ - ЖЕННИХЪ.

Картина эта написана по заказу „Нивы“; сюжетъ заимствованъ изъ романа Вс. С. Соловьева „Вольтерьянѣцъ“, помѣщ. въ „Нивѣ“ 1882 г. Великолѣпная копія-олеографіи будутъ такого-же огромнаго размѣра, какъ и премія прошлаго года, именно 62 сант. ширины и 82 $\frac{1}{2}$ сант. высоты. Изображеніе Императрицы Екатерины въ ея приемной и воздушная фигура юной великой княжны и красавца-короля — прелестны. Въ конторѣ редакціи выставлены оригиналъ картины рядомъ съ копіей, такъ чтобы каждый подписчикъ могъ самъ убѣдиться въ достоинствѣ какъ картины, такъ и копіи. Картина наша также выставлена у книгопродавцевъ главнѣйшихъ городовъ Российской Имперіи.

  Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ въ 1883 г. уже вышедшия номера со всѣми приложеніями.

Всѣ требованія адресовать въ Главную Контру Редакціи „Нива“, А. Ф. Марксу, въ С.-Петербургѣ, Большая Морская ул., д. № 9. Подписная цѣна за годовое изданіе „Нивы“ показана на 1-й страницѣ сего №.

Издатель „Нивы“ А. Ф. МАРКСЪ.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ просить своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ при перемѣнѣ адреса изъ одного города въ другой, присыпать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы.

СОДЕРЖАНИЕ: Столѣтній юбилей Митрополита Филарета (съ портр.) — Подъ колесомъ. Повѣсть Н. Д. Ахшарумова. — Страшный долгъ. (Абхазская легенда). Всеволода Соловьева. — Человѣческіе жертвоприношенія въ древней Мексикѣ (съ рис.). — Возвращеніе съ охоты (съ рис.). — Коверъ-самолетъ (съ рис.). — Семья армянъ (съ рис.). — По поводу юбилея В. А. Жуковскаго (съ рис.). — Вилла Гамбетты. Рѣчь его въ палатѣ (съ 2 рис.). — Стѣсненія въ сельскомъ хозяйстѣ Англіи. Очеркъ Ф. Омтеда. — Политич. обозрѣніе. — Смѣсь. — Геометрическая задача. — О подпискѣ на „Ниву“. — О перемѣнѣ адреса. — Объявленія.

Редакторъ Ф. Бергъ.

Издатель А. Ф. Марксъ.

ОБЪЯВЛЕНИЯ.

С.-Петербургская Химическая Лабораторія.

Съ разрешеніемъ С.-Петербургской Врачебной Управы.

ЗУБНОЙ ЭЛИКСИРЪ

превосходное средство для сохраненія зубовъ, укрепленія десенъ и освѣженія рта.
Салициловый анти-эпидеміческий эликсиръ.

ЗУБНЫЕ ПОРОШКИ

Розовый, салициловый, бѣлый, доктора Міахе.

НОВЫЙ ЗУБНОЙ ЭЛИКСИРЪ

самаго высшаго качества.

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДРАЖАНІЙ

къ которымъ прибегаютъ некоторые фабриканты, принявши названія фирмъ, близко подходящихъ къ фирмѣ С.-Петербургской Химической Лабораторіи, и копирую-щіе наружный видъ произведеній ея.

Требовать при покупкѣ каждого предмета точность фирмъ:

- 1) С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ.
- 2) ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:
- 3) Невскій проспектъ, д. № 32, Католической церкви.
- 4) Невскій проспектъ, д. № 66, у Аничкова моста.
- 5) Вознесенскій проспектъ, уголъ Казанской улицы, домъ № 18—54, Шредера.

Всѣ прочіе магазины и лавки, имѣющіе вывески, сходныя съ вывескою С.-Петербург. Химич. Лабораторіи, ей не принадлежать.

Р. № 2228 4—3

ЛЕЧЕБНИЦА для приходящихъ д-ра Волинского. Невскій, 98, противъ Николаевской. Ежедневно приемъ специалистами по всѣмъ болѣзнямъ. Кровати для женщинъ. Ночное дежурство. Телефонъ. № 2412

ПРОТИВЪ СЪДИНЫ: 1) ПОМАДА, возвращающая сѣдымъ волосамъ прежний ихъ цветъ, не линяетъ, фланконъ 3 р., пересыпка 1 руб.; для удобства: жидкай и густая помада, по полфланону цѣна 3 $\frac{1}{2}$ руб., пересыпка 1 $\frac{1}{2}$ руб.; 2) КРАСКИ моментально окрашиваютъ волоса, не линяютъ, въ черный цв. цѣна 3 руб., перес. по рублю. Гороховая улица, д. 57. Магазинъ-парикмахерская Ивановой. № 2451

СѢМЕННОЕ ДЕПО

КОММІСІОНERA ИМПЕРАТОРСКІХЪ ОБЩЕСТВЪ СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА

В. Н. ЛИСИЦИНА.

Имѣю честь уведомить Гг. сельскихъ хозяевъ и любителей садоводства, что вышелъ изъ печати на 1883 годъ иллюстр. прейс-курантъ сѣменами хлѣбными, луговыхъ травъ, огородными и цветочными растеніями. Желающихъ получить оный прейс-курантъ, прошу сообщать свои адресы съ приложениемъ 7 коп. почтовыхъ марокъ на пересыпку.

Р. № 2447 1—1

Издание А. Ф. Маркса.

ВЪ КАМЫШАХЪ, повѣсть Н. Каразина, второе изданіе, съ 39 рисунками автора, большой томъ въ 8 — всего 304 стр. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к. Подписчики „Нивы“ за перес. не платятъ.

МОСКВА И ТВЕРЬ, историч. повѣсть В. И. Кельсіева, съ рисунками Панова. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.; для подписч. „Нивы“ на 1883 г. 1 р. 30 к., съ перес. 1 р. 50 к.

И. АНДРОНОВЪ И КО.

С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, д. № 38.

ДЛЯ БАЛОВЪ И СВАДЕБЪ ПОЛУЧЕНЬ

огромный выборъ шелковыхъ матерій: оттоманъ, газъ помпадуръ, moscovite, cachemire egyptienne, gaze ottoman, плюшъ faconnée, broché, escalier и другія

SORTIES DE BAL

самыхъ модныхъ матерій, отдѣланныя перомъ, мурабу, кружевами, мѣхомъ и прочимъ.

№ 2449

10%

ВОЗНАГРАЖДЕНИЯ

предлагаю лицамъ, имѣющимъ возможность по своему общественному положенію указать мнѣ владѣльцевъ, желающихъ продать нынѣшненазванные старинныя вещи, которыя я покупаю **ПО ВЫСОКОЙ ЦѢНѢ**: богатый сѣверскій и саксонскій фарфоръ, старинные бронзовые часы, канделябры и группы, золотые эмальированныя табакерки, старинныя вещи изъ золота и серебра прошедшихъ столѣтій, старинную мебель съ богатыми бронзовыми украшеніями и фарфоровыми инкрустациими, gobelены, вышитыя старинныя шелковыя матеріи, старинные кружева, фигуры и группы изъ дерева, слоновой кости и серебра и вообще всякаго рода старинныя вещи XVI, XVII и XVIII столѣтій, кроме монетъ.

Указанные адресовъ лицъ, имѣющихъ на продажу означенные предметы, могутъ быть сообщены мнѣ лично или письменно по адресу моему: въ Москву, г-ну **ЛЮДОВИКУ БЕНЬ**, Петровъ, домъ Ченского, противъ Петровской аллеи.

Вышеупомянутое вознагражденіе въ 10% мною выплачивается немедленно за каждую сдѣланную покупку чрезъ рекомендацию.

Я. № 2270 9—7

КУПИДОНЧИКЪ,

Новая полька, соч. Герхена 50 к.
Gayons d'esperance. Вальсъ 85 к.
Федуль губы надулъ. Кадриль 75 к.
Херувимчикъ. Полька, соч. Родде 50 к.
рекомендуетъ музыкальный магазинъ
К. РОЗЕ,
С.-Петербургъ, Невскій просп., № 20.
Пересылка во всѣ города Россіи бесплатно.
Р. № 2450 1—1

РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ

Н. П. ЛАНИНА,
ВЪ МОСКВѢ,

удостоенное **МНОГИХЪ МЕДАЛЕЙ**, въ томъ числѣ двумя медалями на Филадельфійской и почетнымъ отзывомъ на Парижской всесмѣрной выставкахъ и на послѣдней Все-российской выставкѣ въ Москвѣ золотой медалью,
неуступающее хорошимъ французскимъ маркамъ.

по 36 руб. за ящикъ въ 30 бут.

(прямо съ фабрики).

ИМѢТЬСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ въ обѣихъ столицахъ, въ большей части другихъ городовъ Россіи, Сибири, Закавказья, Царства Польскаго и нашихъ новыхъ владѣніяхъ Азіи.
№ 2435 10—2

ВЕБЕРА, ОЧИСТИТЕЛЬ СНѢГА И УРАВНИТЕЛЬ ДОРОГЪ.

Въ теченіе дня 2-е рабочихъ съ двумя лошадьми могутъ очистить отъ снѣга или исправить отъ 2 до 3½ версты самой испорченной отъ щѣзы дороги, такъ что уравнитель окупается въ теченіи однѣхъ сутокъ. Вѣсъ 5 пуд., цѣна 35 р.

ВЪ ДЕПО МАШИНЪ, НАСОСОВЪ И ПО-
ЖАРНЫХЪ ТРУБЪ ТОВАРИЩЕСТВА

БУРГАРДТЬ и УРЛАУЕРъ,

С.-Петербургъ, Вас. Островъ, 1-я линія, № 10.
Москва, Мясницкая, д. Сытова.
№ 2422 4—4

Только что вышло изъ печати и продаётся въ конторѣ журнала „Нива“ въ С.-Петербургѣ, Б. Морская, № 9, въ Москвѣ — въ отдѣлѣніи „Нивы“ у Н. Н. Печковской, въ домѣ Петровскихъ линій, и у всѣхъ извѣстныхъ книгоиздателей:

О ДѢТЯХЪ НЕ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Шесть рассказовъ Н. МОРСКАГО (Лебедева).

Съ 118 рисунками и виньетками И. Н. Каразина.

Заглавіе рассказовъ:

1) Дяденька.	3) Ночь.	5) Грѣхъ ли это?
2) Уличная пѣвица.	4) Обезьянка.	6) Кувшинчикъ.

Это роскошное изданіе, украшенное 118 рисунками и виньетками, рисованными извѣстнымъ художникомъ И. Н. Каразинымъ, составляетъ прекрасный подарокъ къ Рождеству. Всѣ эти рассказы представляютъ намъ прелестные дѣтскіе типы, но написаны не для дѣтей. Это настоящія житейскія драмы, гдѣ дѣйствующими лицами являются дѣти. Однако по содержанію эти рассказы такие, что книга представляетъ прекрасное чтеніе и юношамъ, и дѣвушкамъ. Цѣна 2 р., съ перес. 2 руб. 50 к.—Въ каленкѣ перепл., съ золот. тисненіемъ 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Крышки для переплета „НИВЫ“ изъ лучшаго англійск. каленк. 1882 г. съ зол. тисн. по вышеозначен. образцу 1 р., съ пер. 1 р. 50 к. Каждый простой переплетчикъ легко можетъ переплести „НИВУ“ въ такую каленковую крышку. Также имѣются крышки для „Нивы“ прежнихъ лѣтъ, т. е. отъ 1870—1881 г. по той же цѣнѣ.

ВНОВЬ ОТКРЫТАЯ
ПАПИРОСНАЯ И СИГАРНАЯ ФАБРИКА

В. БУШЪ, въ С.-Петербургѣ,

фабрика: Лиговка, № 81, магазинъ: Вознесенский, № 14, покориѣше просить обратить вниманіе гг. курящихъ на ея произведенія, ибо работавъ долгое время въ первыхъ заграничныхъ сигарныхъ фабрикахъ, надѣется вполнѣ удовлетворить самый требовательный вкусъ; сигары отличаются мягкимъ вкусомъ и хорошимъ ароматомъ. Можно получить во всѣхъ табачныхъ магазинахъ.

Р. № 2378 10—7

Лавка наследника Жилина, съ амбарами и кладовыми, сдается. Ц. № 2370 8—7

Le systême de vendre tout à très petit bénéfice est absolument dans les maisons
ROUME

PARFUMERIE
DU GRAND MONDE
maison de confiance

Le systême de vendre tout à très petit bénéfice est absolument dans les maisons
ROUME

PARFUMERIE
DU GRAND MONDE
maison de confiance

LE
S U C C È S
de la maison ROUME
s'explique facilement par les prix les plus réduits, les parfumeries de toutes les fabriques, les articles les plus nouveaux
SA FABRICATION SUPÉRIEURE
et
maison confiance.

PARFUMERIE
DU GRAND MONDE
maison de confiance

Le systême de vendre tout à très petit bénéfice est absolument dans les maisons
ROUME

Le systême de vendre tout à très petit bénéfice est absolument dans les maisons
ROUME

PARFUMERIE
DU GRAND MONDE
maison de confiance

! ВАЖНОЕ ВСЯКОМУ РУССКОМУ ПРОИЗВОДИТЕЛЮ!

Получая постоянная требование на русское сырье отъ моихъ заграничныхъ отдѣлений, покупаю и принимаю на комиссію на самыхъ выгодныхъ условіяхъ РУССКОЕ СЫРЬЕ ПАРТИЯМИ

Именно: масло свѣжее и соленое, сало свиное, баранье, свѣжее и топленое, щетину, мѣдь, конскія гривы и хвости, бараны вишни, клей и жиръ рыбий, перья, пухъ и т. д. При предложеніяхъ слѣдуетъ препровождать образцы. Адресовать: Торговый Домъ Генриха Барыцаго. Варшава.

№ 2350 12—8

Исключительное депо на всю Россійскую Имперію.

Мужскіе карманные часы

иначеъ подражающіе золотые. Цены включительно съ пересылкой. Цилиндрический большой форм. 7 р. меньшій 8 р. Самозаводящіеся 10 р. Выписывающіе сразу 25 шт. 10% скидки 100 " 20% Отправка немедленно по получении всей слѣдующей суммы. Адр.: Торговый Домъ „Commerce Russe“, Варшава.

№ 2349 12—8

!НОВОСТЬ!

КАРМАННЫЕ БЕНЗИНОВЫЕ ЛАМПЫ

Въ родѣ малаго игольника 1 р. 25 к. штука съ пересылкой 1 р. 50 к. Въ складъ термометр. и оптич. тов.

ФОРТУНА

2448

С.-Петербургъ, Зиминъ переулокъ № 1.